

екатерина бердичева

# мой красный дневник



12+

Екатерина Бердичева  
**Мой красный дневник**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

## **Бердичева Е.**

Мой красный дневник / Е. Бердичева — «ЛитРес: Самиздат»,  
2017

Эта удивительная детективно-романтическая история случилась в одном маленьком российском городке. Хотя могла бы произойти где-нибудь еще... Ведь с переменой времени и места люди не меняются. Кто-то с удовольствием уничтожает себе подобных на пути к богатству и власти, а кто-то, несмотря на определенный возраст, продолжает верить в справедливость, добро, честь и любовь.

Екатерина Бердичева

### **Мой красный дневник**

**От автора:** Эта удивительная детективно-романтическая история случилась в одном маленьком российском городке. Хотя могла бы произойти где-нибудь еще... Ведь с переменой времени и места люди не меняются. Кто-то с удовольствием уничтожает себе подобных на пути к богатству и власти, а кто-то, несмотря на определенный возраст, продолжает верить в справедливость, добро, честь и любовь.

#### **28.12; 16.30**

Здравствуй, мой дорогой новенький дневник! Моя вкусно пахнущая типографской краской и мандаринами, только что купленная... Нет, не так. Полученная призом за приобретение электрочайника, красненькая, в пухлом переплете, тетрадошка в линейку! Давай познакомимся, что ли? А то я тебе, как подружке, которой у меня, кстати, нет: мысли, чувства, а ты даже не знаешь, как меня зовут. Итак, я – Шацкая Елена Михайловна. И мне приятно! Какой ты милый! Интересно, откуда между твоими страничками завалилась блестяшка от конфетти? Надеюсь, ты ее не спер у соседки по складу? Нет? Слава Богу! Ах, да! Описать себя... Конечно, конечно. У тебя же нет глазок, а посмотреть на новую хозяйку хочется. Ну, похвалиться-то особенно нечем. Возраст – усредненный. От девушки ушла далеко. И если кто-то в магазине говорит: дама или женщина (хорошо – не бабушка), охотно реагирую. Но, на самом деле, к благословенному возрасту «ягодка опять» еще не пришла, хотя... не за горами. Ужас! Заболтала тебя? Прости, но поделиться переживаниями особенно не с кем... Роста я среднего: метр шестьдесят пять. Телосложения – среднего. Ножки – есть. Попка – в наличии. Вот с сиськами беда: на мои два прыщика дамы нашей конторы смотрят с жалостью и легким пренебрежением. Ну да, если у Светы, любимой секретарши Самого, размер этак шестой. Так и хочется предложить ей подносик с ленточкой на шею, как у коробейников времен развитого царизма... Ну это лирическое отступление. Не смущайся. Продолжаю про себя: волосы короткие, темные. Стрижка – каре. Глаза у меня тоже темные – карие. Но черты лица вполне типично славянские: круглая мордаха, прямой нос и слегка припухлые губы. В-общем, все среднее. И образование тоже: закончила юридический колледж и какие-то курсы повышения квалификации. Мой папа, пошуршав по знакомым, пристроил меня к другу своего школьного друга секретаршей. Пропечатав на компе и проалекав на телефоне десять лет, я успела сходить замуж, родить Сережку, развестись и, конечным аккордом, уволиться, поскольку мужем моим был племянник директора, работающий в нашей же фирме архитектором и содержащий, кроме меня и ребенка, еще пару любовниц... Так что пошуршав уже по своим знакомым, я нашла вот эту юридическую контору, где и работаю до сих пор офис-менеджером. Это должность такая: напечатай, отвези, принеси, обзвони, закажи... Иногда бывает тяжеловато, но наш Сам – человек честный, зарплату и даже премии всему коллективу за прибыльные сделки платит регулярно. Так что нам с Сережкой хватает. Ну что тебе еще рассказать? Ах, да! Скоро мы будем встречать Новый год! Это самый замечательный праздник, даже лучше дня рождения. Сережке я купила сноуборд с новыми ботинками, а то старый он уже раздолбал, да и из обуви тоже вырос. Переходный период – четырнадцать лет – растет парень! Знаешь, он у меня какой классный! Стихи пишет, на гитаре играет, по нашим горкам носится... Ничего не боится. За него боюсь я. Но если он не станет пробовать жизнь на вкус, то так и не узнает ее многогранность и разнообразие... Не поймет, к чему стремиться. Помня себя в его возрасте и все запрещающих родителей, я искренне радуюсь его открытиям и находкам. А еще больше радуюсь, когда он со мной ими делится. Жаль, что однажды наступит такой период, когда друзья станут важнее мамы. Хочется верить, что я к этому морально готова. И надеюсь, что не унижу ни себя, ни его какими-то

подозрениями и бесконечными, уже не нужными, обнимашками. Но это, все-таки, пока еще большая тема. Давай вернемся к ней попозже? Мы с тобой начали говорить про Новый год. Это так волшебно! В ночь, когда Куранты на Спасской башне Московского Кремля отбивают последние минуты уходящего года, надо успеть загадать самое заветное, самое лучшее желание. И тогда оно в пришедшем году обязательно сбудется. Можешь надо мной посмеяться, но если загадывать вполне исполнимое желание, а не из области научной фантастики, то возможность его реализации на нашем физическом плане где-то девяносто процентов. По себе знаю. Правда, иногда получается смешно: два года назад полетел дома комп, и как раз перед новогодними праздниками. Абы что покупать не хотелось, поэтому мы с Сережкой решили: будут у него каникулы, а у меня – выходные, съездим в Москву на Горбушку и что-нибудь интересное присмотрим. Мне-то ничего, на работе хватает, а Серенькому обидно – ни в игрушки поиграть, ни пообщаться... Неделю он ходил и смотрел в знакомые и незнакомые лица страдающими от несправедливости мира глазами и кисло реагировал на предложения бабушки и дедушки немного проветрить спаянные с электроникой мозги. Зайдя за мной на работу в последний предпраздничный день, он даже не отказался от предложения Татьяны Петровны помочь допечатать ей договора. Вот как изголодался, бедняжка. И, когда мы с ним слушали куранты, то, взявшись за руки, дружно загадали купить самый лучший, самый мощный, самый надежный... Утром, не веря в Деда Мороза, он тихо прокрался к елке... и в этот момент нам позвонили в дверь. Поскольку я позволила себе полениться и еще не вставала с постели, то дверь открыл Сережка и завопил так, что я подскочила вверх на полметра и в одной пижаме вылетела в прихожую. А там, между бабушкой и дедушкой, в клочках праздничной оберточной бумаги и разноцветных ленточках, стоял мой сын, с восторгом прижимая к груди новенький ноутбук. Поцеловав родителей, я поплелась на кухню выставлять из холодильника праздничные закуски. Пока мы сидели на кухне, а Сережка возился с новым компом в комнате, в дверь снова позвонили. От индейского клича моего сына вздрогнули, наверное, все этажи нашей старенькой пятиэтажки. Слава Богу, стены и потолок остались целы и не слетели на наши головы снежной известковой пылью. Когда мы втроем пробились из кухни к выходу, пол снова был усеян обертками, а в руках моего пацана были открытка и планшет. Потрясенный, он молча протянул листочек с елкой и Дедом Морозом мне. Там типографским шрифтом было напечатано: «С Новым Годом!» И подпись: Дед Мороз. Сын в течение часа говорил только «вау» и постанывал, подключаясь, играя и рассылая друзьям сообщения о чуде. Когда позвонили в третий раз, воплей не было, а был мой бывший муж. Бабушка с дедушкой, увидев его, тут же ушли на кухню.

– Это тебе! – протянул мне букет бордовых роз.

Как всегда, в очередной раз забыв, как я не люблю этот цвет.

– Людочка выгнала? – Поинтересовалась я. – Или ты еще до дома не дошел?

– Перестань, – мягко укорил он, – я специально, прямо с утра...

И достает из кармана коробочку, перевязанную лентами.

– Это тебе, сын!

Сергея осторожно взял ее в руки и медленно, бросая косые взгляды, начал разворачивать и открывать. А там, под толстым слоем упаковочной бумаги, лежал новенький смартфон. Проглотив слюну и буркнув «спасибо», Серега увинтился в свою комнату сдувать пылинки со своих богатств и бить поклоны чудотворцу Деду Морозу.

– Растет! – Кивнул головой на сына его отец.

– Особенно заметно на расстоянии и через большие временные промежутки. – Согласилась я. – Не успеешь оглянуться, как станешь дедушкой...

Прости, дневник, тогда удержаться не смогла: больным местом моего бывшего была маячившая где-то вдали старость, уже сейчас посылающая сигналы в виде прорывающей сквозь редующие волосы плечи и намечающегося, несмотря на систематические занятия в спортзале,

кругленького пузика. Видимо, Люда кормила его на убой. Нажрался – упал – заснул. Чтобы на улицу не тянуло. Но разве кот-производителя ласковая хозяйка и сытный ужин могут надолго удержать взаперти? Когда он жил со мной, еда компенсировалась хорошим сексом... Но даже это не смогло его удержать. Я вздохнула.

– Не отчаивайся, мы еще погуляем на четвертой твоей свадьбе! – утешила я его.

Он усмехнулся.

– Я пойду?

– Спасибо за подарок! – поблагодарила я, открывая ему дверь. – Люда все еще беременна или ей тогда померещилось?

– Разве для тебя это актуально? – Вернул он мне мои шпильки и побежал по лестнице вниз.

И все-таки, несмотря на животик, он был все еще очень привлекателен, этот мужчина, по какой-то странной случайности ставший Сережкиным папой. Из-за порога дуло морозной свежестью, и я захлопнула дверь. Вот после этого, дневничок, я точно знаю, если хорошенько пожелать что-то очень нужное и достижимое, оно обязательно появится в жизни. Что-то я разболталась с тобой и забыла приготовить ужин. Ладно, разогрею котлеты и макароны... если они остались. Сережка растет и лопает, по-моему, безостановочно с небольшим перерывом на сон. Переходный возраст. Интересно, на кого он станет похож через года полтора?

**22.15** Дневничок, привет! Почему-то никак не спится. Впереди чудесные праздники и целая неделя выходных. А в голове крутятся мысли, как успеть не только переделать дела, но и отдохнуть вместе с сыном и родителями в деревне. Надеюсь все, что задумала, получится.

Завтра – последний рабочий день, а после его окончания – небольшой корпоратив в ресторанчике напротив конторы. Отказаться невозможно по двум причинам: коллектив у нас масюсенький – всего четыре юриста, секретарша и я. А, еще Сам Саныч: наш начальник и единственный мужчина – Александр Александрович Панкратов – отличнейший юрист и адвокат. Мы работаем на совесть, а он нас два раза в год балует оплаченными выходами в свет: на восьмое марта и Новый год. Понятно, что можем сходить и сами, но, знаешь ли, не с кем: наши женщины разведены с мужьями, но замужем за работой, а секретарша Света – преданная любовница нашего шефа и без него – никуда. Хочешь, расскажу про всех? Тебе, наверняка, интересно. Итак, наш Саныч – высокий красивый блондинистый мужчина сорока с небольшим лет с подтянутой, спортивной фигурой, знанием трех языков и университетским образованием. Разруливает любые спорные ситуации: от разводов и дележа наследства до отсуживания счетов в офшорах и взаимных претензий юридических лиц. Не брезгает даже уголовными делами. Но ведет их исключительно сам. Мы, его команда, работаем, в-основном, с физическими и юридическими лицами по нашей области. А у него везде контакты, контракты и агенты: и в столицах, и даже в других странах. В нашем, по теперешним меркам, недалеко от Москвы городе, он обосновался где-то лет пятнадцать назад и то потому, что его жена – местная: дочка нашего бессменного мера города. Уж не помню, как давно господин Синельников занял этот трон, но мне кажется, что его величество сидит на нем с рождения. Единственная возвращенная им кровинка, закончив школу, была отправлена в столицу постигать науки в стенах экономического вуза, но, отучившись год, решила податься в актрисы и там попала в какую-то грязную историю. Не то с наркотиками, не то проходила мимо. Но фамилия девушки попала в газеты. Понятно, отцу-губернатору нужна была кристальная автобиография, так как молодые и ретивые тут же начали расшатывать под ним стул с надеждой не только выбить финансовую опору, но и повесить на него всех собак. В местных газетах сразу вспомнили развал градообразующих предприятий, дружбу с авторитетом Батоном и их общего кореша начальника полиции... Короче, ситуацию надо было замять. И наш мэр нашел в столице адвоката Панкратова, тогда еще зеленого и амбициозного молодого человека из приличной семьи, которому срочно требо-

валось громкое дело, чтобы заявить о себе. Не знаю как, но девушку с извинением и опровержением в прессе отпустили, восстановив в институте. Но папа, не дав продолжиться сладкой богемной жизни, забрал ее домой, за услуги адвокату отвалив круглую сумму. Дальше – мои домыслы и догадки, но, думаю, какая-то доля приближения к истине в них есть. К выскочке Панкратову начали обращаться большие и богатые люди. А это значит – он перешел коллегам дорогу, оттянув их потенциальных клиентов на себя. Немного пободавшись, он решил исчезнуть из Москвы, на время переселившись в провинцию. А так как с мэром у него продолжались дружеские отношения, тот пригласил его к нам. Молодой адвокат пах столицей и был хорош собой. А денежный хвост шлейфом тянулся за ним следом, притягивая местную клиентуру. Уж не знаю как, может, хитростью со стороны мэра, а может расчетом Александра, но всего лишь через полгода пребывания на новом месте он женился на мэрской дочушке, а любовницей взял секретаршу Свету, ставшую первой сотрудницей нашей конторы. Спустя какое-то время к нему приехала Татьяна Петровна, дама предпенсионных лет, но с богатой практикой, железной хваткой и знанием любых нюансов и лазеек, дополнений, ссылок и комментариев к каждому закону. Она занялась сопровождением юридических лиц, а также судебными спорами между ними. Женщиной она была одинокой. Дочь жила в Европе, а сын прожигал жизнь в столице. Оставив ему квартиру, Татьяна Петровна купила по себестоимости на выезде из города двухэтажную виллу в «мэрском» охраняемом поселке и вздохнула легко и свободно, оплачивая московскую квартплату и ежемесячно переводя деньги на карточку своему великовозрастному оболтусу. Ее полное, ухоженное лицо покрылось здоровым румянцем, а участок – розами в ландшафтном дизайне. Сына в гости женщина не приглашала, а он и не стремился. Не знаю, что их связывало раньше с Сам Санычем, они на этот счет не откровенничали, но понимали друг друга без слов, работая крепкой надежной связкой. Когда для расширяющегося дела им понадобились сотрудники, в контору пришла Надежда Викторовна Селезнева, сразу забравшая себе физических лиц. Полжизни отпахав на нашем вагонном заводе юрисконсультантом, женщина вышла на пенсию. Но знания никуда не делись и, продав себя за приличную зарплату, она начала отстаивать интересы наших клиентов. И до того красиво и изящно, что ее письмами в суды и всяческие организации мы зачитываемся, словно романами. Логика и знание своего участка работы у Надежды Викторовны просто потрясающие! А по внешности никогда не скажешь, что эта милая, скромная голубоглазая женщина в возрасте обладает хитростью, умом и гибкостью хорька, идущего за добычей. И скоро от этой добычи в нужную сторону полетят шерсть и деньги. Ей в помощницы через полгода взяли Ирину Борисовну Костикову, или Ирочку, как ее ласково называют дамы за легкий и согласный со всеми нрав, безоговорочную исполнительность, обучаемость, а главное, мелкокучерявую молодость, радующиеся синие глаза и замечательную фигурку, на которую периодически западает взгляд Саныча. Но только западает и не более того. Моральные качества руководителя – его твердое кредо, которого он неукоснительно придерживается, разделяя жизнь семейную с притихшей дочкой мэра, а жизнь личную – с секретаршей Светой, которая этих отношений не афиширует, место свое знает и не создает ему проблем. Еще одна молодая женщина в нашем коллективе – Ксения Григорьевна Буцай, русская хохлушка, хохотушка, любительница сплетен, анекдотов и мужчин. Причем замужем она побывала дважды, но, не найдя в своих спутниках ничего, кроме любви к выпивке, она без сожаления с ними рассталась. Ведь армия поклонников Оксаны не убывает никогда. Если один из бойцов вдруг сходит с дистанции, на его место тут же встает новый, полный сил и азарта погони. Ведет Ксения, как не сложно догадаться, бракоразводные дела и составляет брачные контракты новым парам – своим будущим постоянным клиентам. Ведь любой договор всегда можно написать таким образом, что в его тексте обязательно найдется зацепочка для опытного юриста, какую сторону бы он не представлял. Ну вот, мой красный Дневничок, я тебе рассказала про всех, с кем работаю и собираюсь идти в ресторан. Новое платье уже висит в моем шкафу, а новые туфли лежат под ним в коробке. Как хорошо, что

городок у нас небольшой и от ресторана до моего дома – пятнадцать минут ходьбы! Надену пальтишко подлиннее – и пешочком, пешочком. В карете приедет только Татьяна Петровна. Спиртное и такси она не выносит категорически, а наши маленькие грязненькие автобусики ее чрезвычайно раздражают. Поэтому официанты ей не наливают, а таксисты прижимаются к обочине, когда здоровая черная тойота бороздит окрестные улицы. И все было бы ничего в этом празднике жизни, если бы Ксения, озабоченная судьбами своих одиноких коллег, не притаскивала за собой на наши скромные посиделки целый шлейф ухажеров, по ее указке приглашающих нас танцевать и терпеливо, в надежде получить допуск к ее великолепному телу, отдавляющих нам ноги. А также с равнодушной скукой взирающих на наши ничем не примечательные, на фоне божественной Оксаны, физиономии. Даже молоденькая Ирочка не могла конкурировать в их масляных глазках с Ксенией Григорьевной. Но зато, дневничок, Сережка обещал забрать меня уже часов в десять. А на Новый Год, ломая домашние традиции, я обещала его с другом отвезти в Москву. Ехать недалеко, всего сто тридцать километров, трасса чистая, парковки бесплатные... Пусть мальчишки порадуются! А первого я отосплюсь. Все, мой хороший, у меня слипаются глазоньки, а завтра – тяжелый день. С утра придется повисеть на телефоне, обзванивая клиентов с поздравлениями, затем – составить список необходимых канцтоваров и расходных материалов на первый квартал и подписать его у Саныча... Потом – всех выгнать пораньше, закрыв за ними дверь, и поставить офис на охрану, а потом бежать краситься, причесываться и переодеваться... Сережке хорошо: он с бабушкой и дедушкой второй день гуляет по свежему снегу и скребет дорожки на даче. И катается на коньках. На зимних каникулах ребятишкам в деревне всегда мужики лед на пруду чистят. На речке ведь не покатаешься: она у нас быстрая, лед тонкий. Деревенские и то рыбачат ближе к берегу. Ну а завтра моего парня уже привезут домой. Все, дневник, засыпаю... Спокойного тебе сна, мой хороший.

**29.12; 15.30** Здравствуй, мой красненький, мой добрый и молчаливый друг Дневничок! Если бы ты только знал, как я тебе рада! Ты ведь не посплетничаешь у меня за спиной, не обольешь неприязнью, не обманешь и не отвернешься в трудную минуту. Спросишь, чего вдруг я так заныла? Не бойся, у меня все в порядке. Просто иногда в нашей конторе такую грязь перед нами вытряхивают, что мне лично становится противно, хотя уже десять лет перепечатываю, копирую, отправляю по электронной почте все эти дразги, обиды и выраженные грамотным юридическим языком проклятия. Но знаешь, когда настраиваешься на праздники, хочется чего-то светлого и радостного, а не толстую визгливую бабу из Хренопупинска, отбирающую квартиру у тихого аборигена, сломленного несправедливостью судьбы, но еще пытающегося бороться за родные квадратные метры. И действительно, с ума сойти можно: собес прикрепил соцработника к матери этого олуха, терпеливо вкальвающего на многочисленных стройках в нашей округе и, соответственно, неделями живущего на объекте. Бабуля, видимо, разобиженная на постоянное отсутствие своего сына, решила, что она ему не нужна и, растаяв от сиропных речей ответчицы, завещала той свою долю в квартире. Потом бабулька померла, а на их небольшую площадь въехали тети, дяди, племянники, короче, целый табор родственников этой дамы. Замок они поменяли, а законного хозяина пускали только с участковым. Да и то: полиция за порог, дядьки хозяина под белы ручки – и птичкой через лестничные пролеты во двор. Вот и пытается доказать бедолага, что бабушка, то есть, его матушка, подписывая завещание, была лицом недееспособным. Ответчица же, наоборот, доказывала, что истец за бабушкой не присматривал, морил голодом и всячески обижал. Дело было принято судом к производству, а от нас даме нужен был хороший адвокат для процесса. Надежда Викторовна, любезно улыбнувшись, выслушала и даму, и притащившегося за ней мужичка. Поинтересовавшись, есть ли у него адвокат, она вернула документы обеим сторонам, попросив заглянуть после праздников. И когда те вышли, я открыла форточку проветрить помещение.

– Тут надо попа с кадиллом, а еще лучше – с веточкой полыни. – Заметила Татьяна Петровна из своего кабинета, отделенного от зала переговоров стеклянной перегородкой и распахнутой дверью.

– И не говорите, – тут же откликнулась Ксения Григорьевна. – Вот чертовка!

– Обе стороны хороши. – Сурово заметила Света. – Думаю, выпрут они мужичка. Соображать надо было, пока мамка жива.

– Ой, ну перестань, ничего эти мужики не соображают, пока жареный петух в задницу не долбанет. А потом ходят, ищут виноватых!

Это Оксана.

– А может, он маме заработанные деньги отдавал? – Тихо спросила Ирочка. – А она, действительно, рехнулась от одиночества и старости?

– Девочки, работаем! – Снова раздался голос Татьяны Петровны. – Какая разница, кто прав с точки зрения морали? С точки зрения закона, скорее всего, доля ответчицы останется за ней. А уж как все сложится дальше – дело не наше. Наденька, ты возьмешь дело?

– Конечно. – Пожала плечами Надежда Викторовна. – Если она готова оплачивать наши услуги, то почему бы нет?

В зале стало холодно, Ирочка съежилась и накрыла плечи шарфом. А я захлопнула окно. Дамы, немного посидев за работой, начали поглядывать то на часы, то на дверь кабинета Сам Саныча. В конце концов, для того, чтобы хорошо выглядеть вечером, нам требовалось время. А сбор уже в семь вечера. И чего он тянет?

Но вот, когда Татьяна Петровна допила чай и дослушала лекцию Светы о современных тенденциях в ногтевой росписи, наш начальник вышел за дверь в куртке и с папкой.

– Дамы! – Улыбнулся он пронзительной улыбкой записного сердцеда и потенциальной мечты всех дорогих клиенток. – С наступающим! А не пора ли вам по домам?

И, когда мы согласно разулыбались и закивали головами, он развел руки:

– До встречи в ресторане! – И вышел. Окошки на мгновение занавесило ароматным выхлопом лексуса.

Я тут же встала и начала убирать бумаги в сейф. А потом отключила компьютер. Света, хлопнув ресницами, посмотрела на меня и сунула руки в рукава шубы.

– Я отключу и обесточу. – Согласно кивнула я.

Естественно, как вторая спутница жизни нашего шефа, она должна быть безупречной. Поэтому красненький пассат повез ее к любимой парикмахерше Анжеле. Одновременно ее ждала и маникюрша Наташа – делать ногти. Надеюсь, Света не опоздает. Иначе и прическа не поможет. Саныч был пунктуален до тошноты и от нас требовал того же. Ирочка, обмотав голову длинным шарфом, накинула синюю короткую курточку и застегнула на ногах сапожки на немыслимой шпильке.

– До вечера! – помахала она ладошкой и отправилась на остановку.

И как она по льду на них ходит?

Оставшиеся дамы вышли одновременно и еще две машины разъехались в разные стороны. Я все убрала, помыла чашку Татьяны Петровны, оделась и поставила офис на сигнализацию. Теперь до десятого января я свободна! Перекинув сумку за плечо, я поспешила в сторону дома. И сейчас, прихлебывая чай, разговариваю с тобой. Только что звонила маме: Сережка катается на коньках. И домой, в город, они пока не собираются. Решили остаться до завтра. Мои отец и сын почистили дорожки, растопили печку, скинули сугробы с крыши сарая. У деда от ударного труда на свежем воздухе разболелась спина, и мама сказала, что за руль он сегодня не сядет. Наверное, за обедом немного «полечился». Ну, да и ладно. Меня дома вечером по любому не будет. Пусть развлекаются. Все, дневничок, я пошла крутить локоны и красить ногти. Вот скажи мне, как наши дамы все это успевают делать в салонах? Я – не успеваю...

.45

Все, мой хороший, я пошла! Целую, не скучай!

23.47

Блин, дорогой мой! Думала залезть в тебя только в будущем году... Но у нас случилось такое... Я расстроена и жажду выговориться, иначе от бурлящих в голове мыслей она просто расплавится! Представляешь, я даже не переоделась и не сняла шубу! Только сапоги и брошенная сумка валяются в коридоре... Кстати, надо посмотреть, заперла ли я за собой двери!

... Заперла. Слава Богу, инстинкты выживания в этом безумном мире остались на месте. Спасибо, дорогой, что набрался терпения и дождался моего возвращения из ванной. Просто мне срочно надо было содрать с себя тряпки и постоять под струей прохладной воды. И вот теперь, с большой чашкой чая и в махровом халате я уселась с тобой на постель. А, шерстяные носки!.. Надела. Все, теперь – слушай!

Знаешь, работая со всевозможными человеческими тяжбами и первичными их проявлениями в виде жадности, глупости, жажды славы и денег, я как-то от всего этого абстрагировалась, не думая, что меня это когда-нибудь коснется. А если говорить о действиях насильственного характера, подпадающих под статьи Уголовно-процессуального Кодекса, то это вообще далеко и не у нас. И тут такое... Ладно, мозги вроде встали на место, буду все излагать по порядку. Итак, мы с тобой расстались на том, что я пошла в ресторан. Без трех минут семь я уже входила внутрь стеклянных, обрамленных мигающими огоньками и веточками, дверей, любезно распахнутых передо мной Антоном из соседнего подъезда, работающего здесь секьюрити. Поблагодарив молодого парня, совсем недавно вернувшегося домой из нашей самой активной горячей точки, я отдала шубу гардеробщику и зашла в зал. Этот ресторан, из всего созвездия городских заведений общепита, рассчитывался не на многочисленных туристов, посещающих город и пополняющих не только его казну, но и свалки, а на местную солидную публику. Поэтому и находился в глубине старого квартала. А столики или кабинеты в нем заказывались заранее. В небольшом и уютном зале на сцене пела и играла наша местная группа, а по стеночкам стояли два больших стола. За одним из них сидели строители, а за другим – руководство и особо приближенные к нему арендаторы торгового дома «Морской», выстроенного прямо на трассе, проходящей через город. И там, и там столы ломились от прекрасных блюд и бутылок, а смех расслабившихся дам иногда заглушал вокал певца. Улыбнувшись несколькими знакомым, в нетрезвых глазах которых мелькнула тень узнавания, я прошла через танцпол к закрытой двери в один из кабинетов. Отлично! Саныча еще не было, как впрочем, и Светы. Зато наши основные дамы были в наличии. Царственная Татьяна Петровна, сверкая бриллиантами, что-то негромко рассказывала Надежде Викторовне, сменившей дежурную прическу на обворожительные локоны, а полное отсутствие макияжа – на подчеркнутые серыми тенями и подводкой глаза и малиновые губы. Красавица, что еще можно сказать? Ирочка подпрыгивала, кося глазом в дверную щель. Узкое голубое и короткое платьице никак не успевало за ее молодым темпераментом, постоянно сползая то с плеч, то с груди, а то и обнажая ножки, кокетливо обернутые в чулочки сеточкой. А традиционная шпилька нетерпеливо корябала пол. Полагаю, она с нетерпением ждала Ксению Григорьевну, обещавшую привести с собой четверых ухажеров.

Едва я уселась в дальнем конце стола, как двери распахнулись, и плывущей походкой Царевны Лебеди, знающей про козыри в рукавах, с улыбкой на лице и с мужчинкой под ручку, к нам вошла божественная Оксана. Я сникла. Рядом с такими дамами я так и останусь вечной серой мышью, прячущейся в земной тени сияющих небесных светил. Ксения Григорьевна выглядела сногшибательно: синее в блестках платье с разрезом вдоль всего бедра, декольте, обрамляющее загоревшую в солярии пышную грудь, прическа с блестящими локонами, ногти со стразами и огромные бриллианты в ушах, блеск которых просто ослепил идущего

рядом кавалера, блаженная улыбка и остекленевший взгляд которого ясно сигнализировали о его тяжелой заинтересованности. Остальные трое молодых людей, предназначенные для ухаживания за нами, получив зрительный сигнал, послушно расселись рядом с объектами. Самый шустрый тут же протянул руку к шампанскому в ведерке.

– Ну что, девочки, за знакомство? – подмигнул он Татьяне Петровне, которая, навскидку, была раза в два его старше.

– Торопись, мальчик. – Растягивая последнее слово, сказала она. – Не ты хозяин на этом празднике.

Я поймала себя на том, что скучаю, топая ногой в такт доносящейся музыке. Каждый такой выход в свет ловлю себя на одном и том же: вне работы с этими женщинами у меня совершенно нет общих интересов. Паренек, распределением Оксаны доставшийся мне, тоже скучал, с тоской глядя на бутылку. Разговор Татьяны Петровны и Надежды Викторовны, завязавшийся в кругу своих, теперь затих сам собой. Я, задумавшись, засмотрелась на свечи и шарик на маленькой елочке у окна, в которых дрожали крошечные огоньки.

Но вот открылась дверь, и тихий вздох облегчения ветерком пролетел над столом.

– Добрый вечер! – обаятельно улыбнулась одетая в красное платье Света, вслед за которой в кабинет зашел безукоризненный Сам Саныч.

Усевшись во главе стола, он оглядел свой маленький коллектив, пропустив мимо незнакомые физиономии.

– С наступающим Новым Годом! – мягко улыбнулся он.

И откуда-то изнутри каждой из нас поднялась ответная волна. Мы дружно кивнули и предвкушающе заблестели глазами. Мальчик-официант легко и неслышно обошел стол по кругу, разливая в бокалы пенный напиток.

– И пусть нас не оставит своим вниманием счастье земное и небесное! – поддержала своего возлюбленного начальника Света.

– Истинно говоришь. – Вздохнула Татьяна Петровна и отпила сок. Глаза ее смотрели куда-то внутрь себя. Наверное, эта выдержанная женщина думала о сыне. Но, усилием воли стерев с лица глубокую задумчивость, она улыбнулась и продолжила Светину мысль: – А о чем мечтаешь, пусть сбудется!

Света, коротко блеснув глазами в ее сторону, неуловимо покраснела под слоем вечернего грима. У меня непроизвольно поползли вверх брови. Интересно, о чем таком она подумала?

Остальные молча выпили первый бокал и потянулись за салатами и фруктами. Мой, не соизволивший представиться, кавалер, не спрашивая, навалил мне фруктовый салат с йогуртом. Интересно, это Оксаночка рассказала ему, что я обедаю кефиром и бананами? Хотя вряд ли. Вопросительно изогнув бровь, я пристально на него посмотрела.

– А что, не любишь? – правильно понял он мой невысказанный вопрос, а потом пожал плечами: – Но ведь все женщины то худеют, то на диете... Но, если тебе не нравится, я могу положить оливье.

И он потянулся в середину стола.

– Нет, спасибо. – Я взялась за вилку. – Ты угадал. Диета.

Тот кивнул и молча начал грузить жирный салат в свою тарелку. А потом – быстро поглощать, заедая плотную майонезную массу хлебом. Интересно, когда он ел в последний раз? Может Ксения Григорьевна привела их прямо с биржи труда? А костюмчики взяла напрокат в секунд хенде? Я внимательно и незаметно оглядела его со всех сторон: авоськи с пластиковым контейнером для холодных продуктов не наблюдалось. Но, возможно, у него в кармане пакетики? Когда салат был съеден, он тоскливо взглянул на колбасу.

– Ты эту не бери! – шепнула я ему на ухо. – В ней много Е-добавок, и сплошная соя. Хотя, если у тебя нет гастрита...

Оксана одобрительно посмотрела на меня. Видимо, порадовалась за своего некормленного протезе. Может, она их, как бездомных котят, пристраивает в хорошие руки? А действительно, вдруг кому нужно домашнее животное для общения? Выгуливать не надо, гадит исключительно в унитаз, может поддержать разговор... Все, что требуется – вовремя кормить, поить и обеспечивать полноценную физическую нагрузку по ночам.

– Эй! – Снова я наклонилась к его уху. – А ты куришь?

Тот с изумлением оторвался от тарелки и внимательно посмотрел на меня.

– А что? – с трудом затолкал в горло недожеванный кусок. – У тебя нет своих?

– Тебе жалко? – Скривила я накрашенные губы. – Или бросил?

– Ты такие не будешь. – Буркнул он, снова утыкаясь в тарелку.

Я потеряла к «сиротинушке» всякий интерес, тем более, что наш шеф снова поднял бокал.

– За вас, мои прекрасные, очаровательные дамы! – Провозгласил он. – Чтобы в Новом году судьба все чаще баловала вас неожиданными и приятными подарками!

Он мягко улыбнулся и, взяв ручку Татьяны Петровны, сидящей рядом, приложился к ней губами. У меня, да и не только, вытянулось лицо. А Света? Та тоже выглядела слегка изумленной, впрочем, быстро справилась с неожиданностью. А Татьяна Петровна, внимательно посмотрев Саньчу в глаза, спрятала руку под стол. Но господин Панкратов невозмутимо выпил вино и взял ломтик ананаса. Однако! И что бы это значило? Неужели отставка? Я оглядела наших дам. Ксения ничего не заметила. Ее кавалер то и дело подливал ей и себе в бокал и рюмку. Она выглядела веселой и счастливой. Думаю, мальчик на какое-то время переедет в ее роскошную квартиру в новостройке. Что ж, если котик окажется догадливым, и не станет портить хозяйке тапки, он там задержится. Надежда Викторовна молча принимала робкие ухаживания своего кавалера, а на любую попытку ее разговорить отвечала поднятыми вверх бровями. Света пребывала в роскошном недоумении пышнотелой и молодой красоты, которую почему-то не только не оценили, но и намеренно унизили. Ирина Борисовна барабанила по полу уже не только каблуками, но и мысками, повторяя партию ударных. Причем, один глаз косил в сторону двери, другой – на лицо своего временного кавалера. Тот отвечал ей дежурными фразами, улыбочками и комплиментами, постоянно пытаюсь поймать взгляд Ксении. Каждый развлекался в силу своего характера. Ну и почему мне одной так скучно? Я взяла веточку петрушки и медленно начала ее пережевывать, задумавшись о том, что сейчас делает мой Сережка и пропустила вопрос шефа, обращенный к моей персоне. И только когда меня толкнул локтем временный сотрапезник, я очнулась и увидела обращенные на меня взгляды всех присутствующих. Вернувшись в реальность, улыбнулась:

– Извините, я что-то пропустила?

– Вам, Елена Михайловна, не скучно? – Серо-голубые глаза Саньча нежно смотрели на мое лицо.

Петрушка раскорячилась в горле так, что я покраснела и закашлялась. Запив эту гадость поданным вином, я приподняла уголки губ и просипела:

– Н-нет, вы ошибаетесь, мне очень весело.

– А не хотите ли потанцевать? – Задал мне вопрос шеф.

Наступила минута молчания, в течение которой брови наших дам ползли вверх, а подбородки – вниз. Светины глаза пылали, словно угли, на которых моя тушка уже поджаривалась под свист чертячьих хлыстов. Татьяна Петровна неверяще посмотрела на мою отчаянную физиономию, а затем – на улыбающееся и непроницаемое лицо шефа. Ксения Григорьевна пихнула ладонью голову котика, уже занырнувшего носом в ее декольте. Видимо, он отвлекал ее от просмотра неоднозначной ситуации. Надежда Викторовна хмыкнула и дернула себя за сережку, что означало крайнюю степень задумчивости, а Ирочка попыталась спрятаться за своего кавалера.

– Н-нет, – я скосила глаза вниз и в сторону, – у меня немного жмут туфли! Ошиблась с размером!

Эти жалкие оправдания не были приняты в расчет ни одним из моих коллег. Александр Александрович, так и не взглянув в сторону Светы, медленно поднялся из-за стола и плавной походкой матерого кота подошел к моей сжавшейся и обреченно глядевшей на него персоне. Протянув руку, он сказал голосом, которым обычно отдавал приказы:

– Не упрямитесь, Леночка, я не отдаю вам, в отличие от вашего соседа, ноги!

Другой рукой он взялся за спинку моего стула и, немного отклонив его назад, развернул меня к себе. Я прикусила губу и подала ему руку. В конце концов, если пропадать, так с музыкой... И мы пошли танцевать.

Естественно, я ни одной секунды не допускала мысли, что шеф, годами не видевший во мне женщину и, возможно, вообще обращавший на меня внимания не больше, чем на компьютер, внезапно нашел меня привлекательной. Нет-нет! Вдыхая запах его парфюма и любуясь твердым мужским подбородком, я думала, насколько большая кошка пробежала между ним и Светой, а также что мне за этот танец будет. Может тоже, как Оксаниным мужичкам, придется занимать очередь на биржу? Ой, как не хочется! Мне ж еще сына поднимать. Вспомнив Сережку, отца и мать, я чуть не прослезилась, насколько мне себя и их стало жалко.

– Ты чего сопишь? – Неожиданно раздался голос Саныча над моим ухом. – Или наш танец не понравился?

«Скорее, партнер» – честно ответила я про себя, старательно не встречаясь с ним глазами.

– А трясешься чего? – Насмешливый голос раздавался то в одном, то в другом ухе.

У меня было всего два варианта развития событий. И оба мне не нравились, поскольку конечным итогом все равно было увольнение по собственному желанию. Поэтому я спросила:

– Скажите, Александр Александрович, зачем Вы меня stravливаете с коллективом? Для вас это – развлечение, а для меня – потеря рабочего места и очень хорошей зарплаты. Я понимаю, что для Вас я ровным счетом ничего не значу. Ведь меня можно заменить кем угодно. Но у меня сын. И я хочу его вырастить образованным человеком.

– Вот как ты обо мне думаешь? – Саныч, едва касаясь кожи, убрал с моего лба челку и заглянул в глаза. – А если ты мне нравишься?

Я вытаращила глаза и, вытащив из его руки свою руку, перекрестилась:

– Чур меня!

Он расхохотался. Когда я развернулась лицом к кабинету, то в двери увидела напряженно блестящие глаза наших женщин.

Танец кончился, но шеф крепко держал меня за руки. Дернувшись пару раз и сообразив, что сопротивляясь, выгляжу глупо, я смирилась с судьбой. Музыка заиграла снова, и шеф опять закружил меня по танцполу, где уже танцевали строители и торгаши.

– Хорошенькая девочка, – сказал, приблизившись к нам с партнершей, директор «Морского», – уважаю Ваш вкус.

Саныч кивнул и усмехнулся. Я чуть не зарыдала. Все, пройдут праздники, начну искать работу.

– Видишь, я не кусаюсь. – Дохнул на меня шампанским Сам и повел в кабинет.

Посадив на стул, он галантно поцеловал мне руку и пошел на свое место рядом со Светой, которая тут же вскочила и вышла вон. Саныч налил себе водки и, приподняв рюмку чуть вверх, громко сказал:

– Спасибо, Леночка!

И выпил. Вокруг, если не считать звуки музыки, стояла тишина. Женщины смотрели на стол и делали вид, что все в порядке. Кавалер Ирины еще не успел дожевать рыжую лисичку, как она не выдержала и, вскочив, дернула его за руку:

– Идем!

Тот бросил салфетку и поспешил за девушкой. Ксения расстроено посмотрела на своего котика, который блаженно пускал слюни на ее круглом плече.

– Эй, – она пихнула его кулаком в бок, но он продолжал спать и не реагировал, – вот дурак!

Голова мотнулась, а тело сползло по спинке стула. Котик из разряда домашних на глазах становился помоечным. Ксения встала и, задвинув стул, прошмыгнула вслед за Ирой. Мой безымянный мужичок пил и ел впрок, Надежда Викторовна, хмурясь, комкала салфетку.

Все, хватит. Я встала и, не глядя ни на кого, громко стуча каблуками, вышла в общий зал. Где там мой номерок?

Я уже надела шубу и собралась на улицу, как вдруг, перекрывая звуки музыки, откуда-то из глубины здания послышался женский визг. Серьезные охранники, топая туфлями, словно сапогами, быстро проскочили мимо меня в зал. Мы с гардеробщиком посмотрели друг на друга.

– Что-то случилось! – Озвучил он мою невысказанную мысль.

И буквально через минуту один из секьюрити вернулся.

– Дамочка, пройдите в зал! – приказал он мне.

– Зачем? – вцепилась я в ручку двери. – Меня знобит. И вообще, на дворе предновогодняя ночь и голодные маньяки!

Он посмотрел на меня бешеными глазами.

– Сейчас приедет полиция и разберется, кто из вас – маньяк. Идите и не вынуждайте меня применить силу.

Мужчина действительно не шутил.

– Да что случилось?! – мы с гардеробщиком синхронно озвучили общую мысль.

– Крупные неприятности. – Наклонившись над моим ухом, он добавил: – У кого-то из вас!

– Почему? – Я немного отстранилась от его фамильярной близости.

– Дамочке в туалете разбили голову.

Я отпустила руку от двери и прикрыла ей рот.

– Кто-то залез в окно? – Сразу задала вопрос. – Или прошел через служебный ход? А ее ограбили?

Тот молча взял меня под локоть железными пальцами и проводил в зал.

Музыка смолкла. Все, тихо переговариваясь, сидели на стульях. Ирочка, бесцеремонно задрав короткую юбку, сидела на краю сцены, пила воду, икала и плакала. Я подскочила к ней.

– Ир, что случилось? Тебя обидели?

Та посмотрела на меня и зарыдала еще сильнее. Черные дорожки несмываемой туши текли по румяным щекам. Я достала платок.

– Ну, перестань. Что ты так реवेशь?

Она опять подняла на меня зареванные глаза:

– Елена Михайловна, – прорыдала она, – Свету убили! В туалете!

Ирочка повисла на моей шее, орошая слезами мою любимую норковую шубку.

– Как это? – Не поверила я. – Зачем? Вернее, почему? Кто?!

– Не знаю! Я вошла, а она... светлые волосы в луже крови! Все в крови! Голова, шея, платье! А-а...

– Может, у нее закружилась голова? Она упала и ударилась?

– Не-ет! Там нож! В шее!

Ира отпустила меня, нагнулась и, я еле успела отскочить, как ее вырвало.

Да что за фигня? Я встала и пошла в туалет. Такого просто не может быть, потому что быть не может! Наверняка секретарша ударилась, поранила голову...

У туалета стояли два охранника, менеджер ресторана с телефоном и наш шеф. Его лицо было белым.

– Что за чушь мне сказала Ирка? – Громко спросила я. – Где Света? Да отойди уже в сторону!

Я пихнула охранника Антона, который с привычным уважением к моей персоне отошел в сторону, и вошла в туалет. Да... Такое я и представить себе не могла. И вообще думала, что убийства – прерогатива столичных мегаполисов.

У моих, уже обутых в сапоги ног, лежала светловолосая Светина голова. Ее лоб был разбит. Наверное, при падении. На локонах бурым месивом запеклась кровь. Кровь была везде: россыпью капель она стекала по стенам, лужей из разрезанного горла разлилась на полу. Голубые глаза стеклянно смотрели куда-то вбок. Наклеенные ресницы черным ершиком резко выделялись на иссиня-белом лице. Красная помада и испачканные в крови зубы... это был кошмар. Пальцы были скрючены и испачканы, словно она пыталась вытащить нож или схватить того, кто это сделал.

– Лен, – шеф взял меня за плечи и развернул в сторону выхода, – иди отсюда! Еще свалишься рядом. Два трупа за один день я не перенесу.

Странно, но голова у меня работала четко и ясно. Хотя в ней наблюдался некий вакуум.

– Смотрите, – я повернула голову к туалету, – а бриллиантовую подвеску с нее не сняли. И серьги. И кольца. А нож откуда? Он здешний или нет? А подъезд со стороны кухни охраняется?

– Иди отсюда! – синхронно рявкнули на меня мужики.

К нам протиснулся директор «Морского» господин Савин.

– Надеюсь, полицию не вызывали? Мне бы не хотелось светиться в новостях.

– Конечно, нет! – хором ответили менеджер и Панкратов.

– Я позвонил Гройсману, – это менеджер.

– Я – Чебурашке. – Это наш шеф. – Он сейчас подъедет.

Так в своих кругах называли начальника местной полиции. Он у нас такой кругленький, улыбающийся и лопухий.

– Лена, ты не ушла? – перевел на меня пустой взгляд Саньч. – Иди, без тебя разберемся.

Я медленно, прислушиваясь к разговору, на цыпочках пошла назад.

– Красивая баба. – Донесся до меня голос Савина. – Завел новую, а старую грохнул, чтобы не мешала?

– Перестань ерничать. – Голос шефа был холоден, словно арктический воздух. – Я знаю, что ты уговаривал Светку перейти к тебе на содержание. А она не согласилась. Может, ты ей отомстил?

– Совсем debil? – Взвился голос директора «Морского». – На хрена мне твоя подстилка? У меня своих хватает!

– Значит, не хватает. – Все также спокойно и равнодушно проговорил Панкратов.

– А может, это твоя новая ее? Решила кардинально поменять свой неопределенный статус?

Я уже хотела вернуться обратно и расцарапать им морды. Ведь все произошло из-за Сам Саньча, которому, видимо, захотелось помститься за какое-то Светкино прегрешение, а теперь они из меня козу отпущения сделать хотят? Что за фигня?! Но за меня вступился Антон.

– Вот не надо порядочную женщину в эту грязь мешать. Одна поднимает сына, с утра до ночи на работе! Постыдились бы! – добавил он негромко.

Стыдно им не стало, но голоса затихли. Я спряталась в какое-то служебное помещение, набитое старой аппаратурой, столами и стульями. Отсюда, если чуть-чуть приоткрыть дверь, все было слышно. Опустившись в подсвеченной из коридора темноте на один из стульев, я задумалась. И снова страшная картина встала у меня перед глазами. Красавица Света и кровь. И нож, торчащий из горла...

Голова потихоньку заняла, словно я целый день просидела за компьютером. И правда, ведь они вполне могли сделать меня виноватой! Главное, чтобы их чистенькие имена не мелькали в уголовных хрониках!

«А ведь в туалете нет окон!» – внезапно пронзила меня мысль. – «Значит, человек либо прошел через служебный вход, либо до сих пор сидит в зале!»

Вот от этого мне стало совсем нехорошо. Но кому понадобилось убивать беззащитную и безобидную женщину, безропотно и тихо проживающую в нашем городке?

Скоро по коридору простукала палка с аккомпанементом из слегка спотыкающихся шагов. Флер терпких и сладких мужских духов ворвался в мою щель. Захотелось чихнуть. Я сморщилась и зажала пальцами нос. Из глаз потекли слезы. Я достала платочек и промокнула ресницы. Не растеклись! Какое счастье!

– Что у вас тут произошло? – раздался на пороге дамской комнаты высокий и визгливый голос директора ресторана Гройсмана. – Хотите загубить мое предприятие? Да вы совсем сошли с ума, убить женщину в моем прекрасном заведении! Не могли где-нибудь по-тихому на пустыре за городом? Обязательно портить репутацию?

Представляю, как он вращал глазами и брызгал в разные стороны слюной. Седой, высокий, хромой и всех боящийся старый еврей, для которого этот ресторан был ближе родного детища, уехавшего покорять Лондон. Хотя, насчет боящегося, я, пожалуй, загнула. Лев Семенович был чрезвычайно хитрым и расчетливым дельцом, умеющим выбивать как слезу из сильных мира сего, так и деньги из бездонных карманов спонсоров под свои тщательно просчитанные проекты. И одним из них был этот ресторан. Ходили туманные слухи, что на пятом десятке любимая жена Сара была вежливо задвинута им в угол огромных хором в мэрском поселке, а сам Гройсман переключился на некоего красивого столичного мальчика... Но, повторяюсь, это только слухи, подкрепленные разве что весьма сладкими духами и еженедельными поездками в столичный регион. Но, возможно, у него там родственники или бизнес? А слухи – происки конкурентов? Тем не менее, Гройсман продолжал орать и стучать своей палкой до тех пор, пока на сцене не появился начальник городской полиции Чекулаев Игорь Анатольевич. Пройдя мимо моей каморки тяжелым и уверенным шагом, он остановился рядом с основными действующими лицами.

– Заткнись! – Было первое произнесенное им слово. – Кто ее так? Алекс, твоя?

– Моя... была. – Все также равнодушно сказал шеф. – Теперь она испортилась и больше меня не привлекает.

– Вот мать твою... – выругался директор «Морского». – Ну ты и гад!

– Как и ты. – Негромко сказал Саньч.

– Но это не ты? – Сразу спросил Чебурашка Саньча.

– Нет. Зачем мне портить то, что так долго создавал?

– Птичка напела, что вы поссорились.

– Нет. Просто надоела.

– Бывает. Предположения есть?

– Нет. У нее не было врагов. Или я о них не знаю.

– Гм... Может, ревнивый муж? Еще один любовник?

– Игорь, за кого ты меня держишь?

– Коллеги? Зависть женщин? У тебя ведь чисто бабский коллектив! Мне птичка напела...

– Это розыгрыш. Просто развлекся.

Это он обо мне. Развлекся, значит! А я теперь красней и объясняй, что ничего личного ни к нему, ни к ней у меня не было.

– Левушка, скажи, секьюрити у тебя постоянно на обоих выходах дежурят? В окно кто-нибудь влезть может?

– Дежурят! Не может!

– Значит, так... Фаддей! – Это он старшему смены охраны. – Пусть два паренька из тех, кто не болтливый и покрепче, берут лопаты, ее шмотки, и дуют на городскую свалку. Надо прикопать.

– Не по-человечески! – Вздохнул Саньч.

– А по-человечески меня выдирать из сауны и заставлять подчищать ваши хвосты? Или вам нужна дурная слава? «Директор крупного торгового центра и знаменитый юрист у трупа проститутки». Как вам такой заголовочек?

– Пусть хоть на кладбище закопают...

– Хоть у тебя в палисаде! – Чебурашка подумал и куда-то позвонил. Наверное, директору нашего кладбища. – Здорово! С наступающим! Да, здоровья, еще раз здоровья и долгих лет жизни! Да, дорогой, прямо сейчас. Да, на двадцатом участке. Нет, сами справимся. Я завтра заеду, перетрем. Пока! – Его голос изменился. Сейчас он обращался к Гройсману. – Лева, с тебя двое ребят. Пусть отвезут и прикопают на двадцатом. И мне надо поговорить с теми, кто стоял на дверях и кухонными работниками. А здесь... уберите так, чтобы сверкало, как яйца у кота.

– Конечно, Игорь Анатольевич! – прокричал Лев Семенович. – Сделаем!

Когда опасность бизнесу миновала, Лева прекратил истерить и стал собранно-деловым. В коридоре зашумели: кто-то ходил, кто-то разговаривал по телефону.

– Парни! – Услышала я удаляющийся голос Чебурашки. – Успокойте гостей. Скажите, женщина упала и разбила голову.

– Две бабы видели...

Это Савин.

– Ерунда. Скажите – померещилось спьяну.

Вот теперь все. Можно вылезать на свет Божий и делать вид, что я – «женщина глупая, доверчивая и выпимши».

Посмотрев в щелку и выбрав момент, когда одни прошли, а другие еще не вышли, я выскользнула, прикрыв дверь. Потихоньку, на цыпочках, прислушиваясь к шагам и звукам, я поспешила в общий зал. Оттуда доносился неясный гул голосов. Идти ко всем остальным мне совершенно не хотелось, поэтому из коридорчика я повернула в фойе. У двери стоял охранник в черной униформе с непроницаемым лицом. Рядом с гардеробом топтались две парочки, причем дамы испуленно курили, несмотря на табличку с запретом, а их кавалеры тоскливо зажимали в руках их роскошные шубы.

– Что, не пускает? – шепотом осведомилась я у гардеробщика.

Тот помотал головой и, нагнувшись, спросил:

– Так что там?

– Женщина в обморок упала, лоб разбила! – Театральным шепотом объявила я на весь предбанник. – Скорую вызвали и полицию!

Дедок округлил глаза, а одна из дам затушила сигарету о подставку для зонтов:

– Идиотка! Нажраться могла бы и дома! Такой вечер испортила!

– Да, дорогая! – проблеял плешивый мужичок.

Секьюрити скосил на меня внимательный глаз.

– Господа! Минуточку внимания! – Усиленный микрофоном голос Льва Семеновича был внушительен, вызывал доверие и снимал напряжение, словно громоотвод. – К сожалению, случилось досадное недоразумение: одной из наших гостей потребовалась помощь медиков... Дамы, умоляю, аккуратней ходите на каблуках!

– Она сильно пострадала? – Раздался чей-то громкий голос.

– Разбила лоб. Ей наложат швы и придется делать много косметических операций! Дамы!

Прошу, не рискуйте своим лицом!

Последнее заявление прозвучало двусмысленной шуткой, и обстановка разрядилась.

– Прошу вас, отдыхайте, танцуйте... С наступающим Новым годом! И пусть он принесет всем под елочку самые желанные подарки!

Гройсман передал микрофон солисту группы, и снова грянула музыка.

– Эй, – я подошла к охраннику. – Все рассосалось. Может, выпустишь?

Тот хотел ответить, как вдруг его глаза метнулись мне за спину. Я слегка повернула голову и посмотрела вниз. Сзади сияли ботинки Александра Александровича.

– Еленочка! – Прошептал над моим ухом его обворожительный голос. – Вы нас покидаете?

Я сложила бровки домиком и тихо, на выдохе, заныла:

– Ноги устали! Голова кружится...

– Но вечер только начинается! – Он развернул меня к себе лицом. – Разве Вы не хотите со мной еще потанцевать?

Его палец провел по моей щеке. Я дернулась, но тут же глупо улыбнулась.

– Большой палец на ноге стерла... Хотите, покажу?

Дед у вешалок отчетливо хмыкнул, а ближайшая девица негодуяще фыркнула. Ее кавалер вздохнул. Холеное лицо моего босса едва заметно исказила брезгливая гримаска.

– Ну, раз ты неважно себя чувствуешь... может, вызвать такси?

– Нет-нет! – Радостно сказала я, запахивая шубу. – Здесь недалеко. Я пешочком!

– А большой палец? – Прохладная ладонь легла мне на шею.

– Ничего, до свадьбы заживет! Если, конечно, не напрягаться...

– Тогда, до встречи!

Он отпустил принадлежащие мне части тела и кивнул охраннику. Тот отворил дверь. И я, словно выпущенный на волю узник, рванула через освещенный разноцветными лампочками пятачок в снежную ночь.

И вот сижу я сейчас с тобой, мой красненький добрый дружочек, и думаю, как мне из этого дерьма вылезти?

Как ты думаешь, кто мог убить нашу Свету? Шеф не мог: когда девушка ушла, он сидел с нами, а потом пошел танцевать со мной. Наши женщины сидели в кабинете... Так, Ксении Григорьевны и Ирины с ее кавалером среди нас не было. А Татьяна Петровна вышла и быстро вернулась. И именно Ирочка обнаружила труп. Бедная девочка! Представляю, как испугали малышку эти кровавые лужи. Я бы тоже испугалась, если бы год не отучилась в медучилище. Может, меня и миновала бы юридическая стезя, если нашу группу по окончании первого курса не отправили бы в хоспис. В теории я понимала, что такое онкология и сахарный диабет на последней стадии, но на практике это взрезало мои нервы так, что после первого дня работы я просто не смогла заснуть. А после третьего забрала документы и перевелась в юридический колледж. Думала, больше никогда не увижу эти реки крови и заживо гниющие тела. Но моя первая профессия настигла меня тогда, когда я о ней и думать забыла. Скажи мне, ну кому могла перейти дорогу обычная секретарша, которая скрашивала скуку нашего шефа? Так, стоп. Ты молодчинка, дневничок! Она могла помешать его супруге! Нет, ерунда. Терпела та больше десяти лет, думаю, еще столько же протерпела бы, и не поморщилась. Боже, если Гройсман вызвал бы полицию, то я сейчас зареванная и усталая давала бы показания в отделении... Не знаю, мой хороший, мысли путаются, по телу ползет озноб. Не хочется болеть в праздники. Пойду, выпью валерьянки. Вдруг поможет?

Выпила. Но не эту вонючую гадость, а пятьдесят грамм водки. Думаю, засну. Так, совсем забыла! Чтобы могли значить заигрывания шефа? Он во мне увидел замену Светке? Какой кошмар! Придется искать работу... И тебе приятных снов...

**30.12 в 7.15 утра.**

Здравствуй, мой хороший! Прости за почерк, уж очень хочется спать. Но выспаться мне так и не дали. Только мои глаза закрылись, а дыхание стало сонным, во входную дверь позвонили. Было это часа в четыре утра. Я подскочила. В мою перенапрягшуюся голову стучала всего одна мысль: бабушка с дедушкой привезли Сережку, а у меня неубрано, на голове – воронье гнездо, изо рта – запах перегара. Поэтому пулей я рванула в ванную, с закрытыми глазами расчесалась, пополоскала рот и умылась. После водных процедур включились мозги, и я вдруг сообразила, что на улице темно. Взглянув в висящие на стене часы, обомлела: 3.40 утра! Но мысли все равно были о родных. И только когда я схватилась за замок, в голове прозвенел колокольчик: вечеринка... А что если это менты по мою душу? Или тот маньяк, убивший Светку? Вдруг он охотится на всех сотрудников конторы? Меня затрясло. А звонок все выкал короткими трелями. Наклонившись, я заглянула в глазок.

С той стороны, в неярком свете подъездной лампочки, стоял совершенно незнакомый мужчина. Немного склонив голову, он смотрел прямо в глазок. «Это маньяк!», – пронеслось в голове, – «После Светки очередь дошла до меня!»

Набравшись смелости, я громко, чтобы слышал этот тип, крикнула:

– Убирайся, я звоню в полицию!

– Елена Михайловна! – нагнулся он к косяку. – Откройте, пожалуйста! Я Вам не враг!

– Друзья по ночам спят в своих постелях! Уже звоню! – Проинформировала я дядьку.

– А меня к Вам послал Панкратов! Сказал, что ему Вы не откроете!

– Конечно, не открою. И Вам не открою. И вообще, идите к черту! – После упоминания фамилии моего дражайшего начальника мысли пришли в порядок, а адреналин влился в кровь. Нет, ну с какого перепуга я должна ночью впускать в свой дом мужиков? А тем более, засланца от почти бывшего шефа.

– Я к черту не пойду. – Тем временем ответил тот. – Я начну долбиться в Вашу дверь и усиленно портить кристальную женскую репутацию. Хотите?

– Что надо? – Нелюбезно осведомилась я у двери.

– Поговорить о сегодняшнем событии.

– Я ничего не знаю, ничего не видела и ничего не хочу знать вообще! – Сообщила ему.

– Послушайте, я приехал из Москвы по звонку моего брата Александра специально, чтобы по горячим следам разобраться в этом деле. Вы же не хотите, чтобы подозревали Вас?

– Паспорт покажите! – Вздохнула я, понимая, что этот тип не отстанет. А то еще и разляжется на коврик под дверью.

Он поковырялся в куртке и достал пластиковую карточку.

– Только права! Но Вы ничего не увидите, здесь темновато.

Действительно, в глазке плавал темный прямоугольник.

Секунду подумав, я перекрестилась и начала отпирать замок, одновременно защелкнув цепочку.

– Предупреждаю, – сказала ему в щель, – жизнь продам дорого! Права давайте!

Двумя пальчиками я втянула к себе прямоугольник. Пока я включала свет и всматривалась в фото, так непохожее на мужчину на лестничной площадке, дверь неожиданно распахнулась, и мой ночной посетитель шагнул в прихожую, потеснив меня в сторону.

– Убивают! – Завопила я.

– Балда! – Закрыл он мне рот ладонью. – Чего орешь? Хочешь завтрашний день провести в обезьяннике?

Я опустила занесенный кулак и помотала головой.

– Кричать не будешь? – поинтересовался он. – Кухня где?

– Там. – Мотнула я головой и пошла за ним следом.

Включив свет и рассевшись на стуле, мужчина устало потер глаза и посмотрел на меня, стоявшую перед ним в пижаме и шерстяных носках. Серые глаза заискрились смехом.

– Ты думаешь, маньяк бы польстился на такое страховидло? Права отдай!

Подобрав челюсть и возмущенно задрал нос, я смирила его ответным взглядом:

– А ты сюда зачем пришел? Спрашивать? – мои руки уперлись в бока. – Говори, что надо, и проваливай, – я взглянула в права и прочитала его имя, – Панкратов Борис Александрович!

– Кофе сварил, пожалуйста. – Вдруг по-человечески попросил он. – Я вообще не спал. Только работать закончил, как Сашка позвонил. Пришлось ехать. И даже не ужинал.

– Спать тоже у меня будешь? – я достала кофемолку и бросила туда горсть зерен.

Брови мужчины удивленно поползли вверх, но потом он вспомнил известную присказку и расхохотался.

– А что, это – идея! Сашке не понравится! – Сказал он, пока я ссыпала молотый кофе в турку и включала газ.

– Что так?

– Так вроде он к тебе неровно дышит?

– Слушай, – я залила кофе кипятком, – что за фигня? Я работаю на твоего братца уже не первый год, а обращал он на меня внимание не больше, чем на ксерокс. У него была прекрасная Света и ее роскошное тело. Так что не надо развешивать лапшу на моих ушах. Тебе полную чашку? Сахар, корица, лимон или молоко?

– Черный с сахаром. И бутерброд, пожалуйста.

– Может, тебе котлеты с рисом погреть? Хоть поешь нормально.

Потерев глаза, я посмотрела на сидящего мужчину. Снятая им куртка валялась на широком подоконнике. Худощавый, в отличие от плотного, высокого брата, он казался меньше ростом и моложе. Короткие светлые волосы ежиком топорщились по всей голове, кроме висков. Брови и ресницы – светлые. Плечи и спину он держал как-то очень прямо, словно спортсмен. Я искала в нем черты сходства с братом: да, они были похожи... Возможно, упрямым выражением лица и фамильным ровным носом? Но, в то же время, Борис был... изящнее, что ли?

– Нравлюсь? – Невозмутимо спросил он. – А котлеты... да, если тебе не жалко.

– Очень! – Связвила я, доставая из холодильника сковороду и отвечая на первый вопрос. – И ты, и твой братец, и котлеты!

Прихлебывая кофе, он поднял на меня глаза.

– Все женщины влюбляются в своих начальников, тем более что Сашка – красивый мужчина, а ты – не замужем.

– Это он с тобой поделился?

Тот кивнул.

– Значит, так, Боренька. Твой любимый братец Сашенька интересовал меня постольку, поскольку регулярно платил весьма приличную по нашим меркам зарплату. Думаю, вполне конкурентоспособную со столичной. Я смогла купить своему ребенку хорошие вещи, а себе – отличную машину. В других аспектах он интересовал исключительно свою жену и невинно убиенную секретаршу. Ясно?

– Почему в прошедшем времени?

– А потому. – Я сердито перевернула зашкворчавшие котлеты и сыпанула к ним из кастрюли рис. – Он сегодня решил меня подставить? Типа, влюбленная дура замочила в сортире любовницу? Ты понимаешь, что после этого дебильного корпоратива мне придется уволиться?

– Зачем? – Он пил кофе и внимательно смотрел на меня. – Ты вполне можешь рассчитывать на ее место.

– Слушай, братец Боренька, шел бы ты на хрен со своим Сашенькой!

Я захохотала тарелками, доставая для него самую глубокую. Еще с детства усвоенное правило, что мужчина должен быть сыт, жило во мне на уровне инстинктов. Поставив перед ним тарелку с двумя котлетами и рисом горкой, я скрестила руки и села напротив за стол.

– А вилочку? – Тепло улыбнулись мне серые глаза.

– Перед тобой в подставке. Хлеб дать? Или фигуру блюдешь?

– Конечно, давай. – Согласился он, доставая вилку и цепляя ей котлетину. – Не в коня корм. – Он похлопал себя по плоскому животу, спрятанному под длинным свитером. – Бегаю много.

– Спортсмен?

– Вроде того. – Уклончиво согласился он. – Пока я ем, расскажи, пожалуйста, обо всем, что случилось на этой вечеринке. И об отношениях в вашем коллективе.

Я пожалала плечами и принесла тебя, мой добрый красный дружочек. Борис быстро впихнул в себя поздний ужин или ранний завтрак, помыл руки и аккуратно тебя раскрыл. Тебе ведь не было неприятно?

Когда он читал мои каракули, лицо не выражало ровным счетом ничего. Отложив тебя в сторону, он наморщил лоб и изрек:

– Если все изложенное здесь – правда, то я не понимаю, почему Сашка сказал, что у вас – отношения?!

– Б-ть, какие отношения? – Взвилась я со стула. – Твой брат с елки рухнул под Новый год? Знаешь, – я начала расхаживать по кухне, – я всегда считала его очень вежливым, умным руководителем и даже не догадывалась, что под его черепушкой ползают такие тараканы! У меня – сын! – остановилась я и посмотрела ему в глаза. – И он забирает все мое свободное от работы время. Понимаешь, у меня нет времени ни для каких отношений! Даже для болтовни с приятельницами по телефону!

– Ты – чокнутая мамочка?

– Сам дурак. – Обиделась я. – Вспомни себя в четырнадцать лет. Наверное, если бы твои родители не направляли тебя по определенному пути, кто знает, куда бы тебя занесло...

– Возможно... – забарабанил он пальцами по столу. – Скажи, раньше между Сашкой и этой... Светой отношения были нормальными?

– Не знаю, наверное, – я пожалала плечами, – тебе сделать еще кофе?

– Нет, спасибо. Лен... – он помялся, – можно я у тебя пару часиков вздремну?

Его губы улыбались, а глаза были бесконечно усталыми.

– Хорошо. – Согласилась я. – Только в комнате Сережки. И ты мне ответишь на один вопрос.

– Говори. – Он уже снимал свитер.

Фигура у него была что надо: крепкие прямые плечи, красивые мышцы на руках... остальное скрывалось под серой майкой.

Я кашлянула, подавившись слюной. Интересно, этот стриптиз был устроен в качестве проверки моей моральной стойкости?

– Борь, вот скажи, ты, судя по тому, что примчался сразу, постоянно разруливаешь проблемы своего брата, или он умеет это делать сам?

Легкая досада промелькнула в его глазах. Видимо, надеялся на мои теплые объятия.

– Умеет. – Коротко ответил он. – Только я это делаю лучше.

– Так ты мент? – «обрадовалась» я. – До меня доходили слухи...

– Полотенчико дашь? Зубную щетку не прошу. – Свитер полетел к куртке на подоконник.

– Дам. Правильно, что не просишь.

Повесив полотенце на крюк, я пошла в свою комнату и включила телевизор. На наряженной мной и Сережкой елочке радостно мерцали огонечки. Усевшись на кровать, я задумалась: как-то паршиво заканчивается этот, в-общем, неплохой год... А что готовит новый, вообще

неизвестно. Тяжело вздохнув, я подложила под локоть подушку и попыталась сосредоточиться на каком-то америкосовском фильме, где главный герой с большой пушкой мочит всех злодеев подряд. Воистину: дикий запад! Хотя у нас не лучше. Бедная Света... Мои мысли от кино перескочили к льющейся в ванной воде. Интересно, Борис сможет разобраться в этой непростой истории?

На майке темнели капли, когда мужчина вошел в мою комнату.

– Уютно у тебя! – похвалил. – По-домашнему! Елочка! И шарики...

Он подошел к елке и покрутил в пальцах красный шарик с нарисованным зайчиком.

– Еще родительские? Стеклянные? Знаешь, в детстве этот праздник казался таким волшебным! Отец зажигал свечи, мама собирала стол, к нам приходили гости... Тоже с детьми. Кто-то играл на рояле. Дядя Володя читал стихи... Он всегда сочинял стихи к праздникам. Взрослые танцевали. А мы им мешали.

Он как-то светло и искренне посмотрел на меня.

– Вы встречать Новый год будете вместе?

– Да. Но не дома. Я обещала Сережке и его другу Максиму отвезти их в Москву. Они высмотрели в интернете все развлечения новогодней ночи и захотели поучаствовать. Ну неужели я отпущу их одних, на автобусе?

– Ты – хорошая мать. – Вздохнул он. – Мне туда?

Он кивнул на дверь в маленькую комнатку.

– Да. Но утром должны приехать мои родители и сын.

– И меня здесь быть не должно?

Я утвердительно качнула головой.

– Тогда часикам к восьми сделай мне еще кофе, хорошо?

– А тебя брат искать не будет?

– Я у него никогда не останавливаюсь.

– А где?

– У вас много гостиниц. – Улыбнулся он и пошел в комнату. Закрывая дверь, обернулся: – И сердобольных женщин!

Моя подушка сама собой вылетела из-под руки и стукнулась о косяк. Я взглянула на часы. Спать нам оставалось чуть больше часа.

Подумав, что если засну, то не проснусь и под дулом пистолета, я уселась записать события этого утра. Малыш, на этот момент, пожалуй, все. Пойду будить постороннего мужчину и варить кофе.

### **30.12 в 23.45**

Добрый вечер, мой хороший маленький друг! Сразу хочу пожаловаться. Ты ведь не станешь говорить, что все женщины одинаковы: плачутся и плачутся... Да, мой сладкий, мы – существа эмоциональные. Пока не выговоришь накопившееся напряжение, жизнь не в радость, а небо хронически моросит дождем.

Устала я. Очень. Весь день на ногах, то есть, на колесах. Однако, чтобы тебе стало понятней, начну с восьми часов утра. Пока я варила кофе этому приезшему менту, а сам он полоскался под душем, позвонил из деревни мой Сережка и счастливым голосом поведал, что дедушка разболелся, и приехать они смогут только завтра.

– А дай-ка мне бабушку! – Попросила я его. Он немного помялся, пытаюсь мне рассказать, что она вышла на улицу и не слышит. Но когда я захотела поговорить с болеющим дедушкой, он тяжело вздохнул и передал трубку моей маме.

– Рассказывай. – Устало попросила я. Все-таки уже пошли вторые бессонные сутки.

– У нас все замечательно, снегу много, – начала моя мама, и по ее тону я поняла, что дело, возможно, вовсе и не в моем отце. Я услышала в трубке торопливые шаги и приглушенный голос, словно она рукой прикрыла телефон. – У тебя все в порядке?

– У меня да. Что у вас за тайны мадридского двора?

– Вероника приехала! – ликующим голосом доложила бабушка.

Вероника – это внучка наших соседей. Живут они в Москве, поэтому Сережка встречается с ней только на каникулах. Они с детства дружат, но только в прошлом году он внезапно увидел, какое красивое и милое у нее личико, как заливисто она смеется в ответ на его шутки, и как здорово кататься с ней вместе по нашей деревне и окрестностям на маленьком скутере... А еще лучше – ходить вечерами купаться на речку. Знаешь, дневничок, только никому не говори: я тем летом однажды за ними проследила... Не нарочно, так получилось. Я возвращалась от соседки, которая мне пообещала рецепт кабачковой икры с томатной пастой, чесноком и майонезом – вкуснота, пальчики оближешь, и вдруг увидела их вдвоем: Сережку и Веронику. Они шли по тропинке за огородами к речке и держались за руки. Это так мило выглядело, что мои ноги сами свернули между домов и, прячась за кустами и яблонями, я отправилась за ними. Они спустились к речке, разделись и прыгнули с мостков в воду. Знаешь, дневничок, они и там, на глубине, умудрялись держаться за руки и даже целоваться... Теперь я понимаю, чем вызвана дедушкина «болезнь».

– Мам, скажи ему, если хочет поехать в Москву, тридцать первого должен быть здесь, в городе.

– Да, конечно, мы обязательно вернемся к Новому году. – Мама уже говорила громко. – Подожди, Серенька хочет что-то сказать.

– Мам! – Завопило в трубке мое чадо. – А можно, с нами в Москву поедет Вероника?

– Постой, но они же только оттуда уехали... – растерялась я. – Девочку, наверное, специально вывезли подышать воздухом!

– Ма, но она хочет с нами!

Понятно. Наверное, они все продумали заранее. И эту встречу в деревне, и поездку... Небось, за месяц вперед списались и распланировали! Интересно, Макс поедет или откажется в последнюю минуту?

– Я не против, но вы должны спросить разрешения у ее родителей. – Строго ответила я.

Клич Зоркого Глаза в индейских прериях, думаю, звучал куда менее восторженно. У меня заложило ухо, и я отставила аппарат подальше. В этот момент Борис закончил мыться и вошел в кухню. Поэтому я быстренько свернула разговор.

– Ты меня хорошо понял? – поинтересовалась я.

– Ма-ам! Они согласны! – ответил сын.

– Тогда тридцать первого, вечером, вы должны быть здесь.

– Да!!! – Оглушил он меня в последний раз и отключился.

Я подняла взгляд на улыбающееся лицо ночного гостя.

– Сегодня не приедут? – Поинтересовался он.

– Завтра. – Коротко проинформировала я и положила айфон на окно к его свитеру и куртке.

– Это хорошо. – Неизвестно чему обрадовался Борис и взял чашку с кофе. – Ты бы тоже сходила в душ. А то глаза, как у вампира. Не спала?

– Смысл? Если бы заснула, то продрыхла бы до вечера. Сейчас тебя провожу, да посплю.

– А ты меня завтраком решила не кормить? Хочешь побыстрее отделаться?

– А ты не желаешь позавтракать в ресторане? Уж очень спать хочется.

– Лен. – Брат нашего шефа опустил на стул. – Тут такая фишка... Ты не могла бы мне немного помочь?

– Чем? Дать денег в долг?

– Не смешно. – Он встал и подошел к холодильнику. Оттуда на свет Божий выскочило копченое мясо для салата, яйца и молоко. – Нельзя мужчину выпускать из дома голодным. Иначе он по дороге кого-нибудь съест.

– Эй, а ничего, что я все это купила к новогоднему столу? Пусть тебя Сашенька кормит. – Возмутилась я. – В конце концов, ты помогаешь ему. Я-то тут причем?

– Леночка, в воду! – Он развернул меня в сторону ванной и слегка подтолкнул в спину. – Иди, дорогая, прими контрастный душ, а я нам что-нибудь приготовлю.

Теплые руки крепко сжали мои плечи, а дыхание щекотало волосы над ухом.

– Женщина всегда должна быть красивой: и утром, и на вечернем приеме... Глядишь, и муж бы не ушел.

Я вывернулась из его рук и хлопнула дверью ванной. Тоже мне, профессор психологии!

Вода громко лилась из душа. Я стояла, зажмурив глаза, и то закрывала, то снова открывала горячий кран. Это было ужасно, но действенно. Кожа покраснела, но глаза решительно открылись. Я растиралась полотенцем, когда из-под двери пополз вкусный запах омлета и жареного хлеба. У меня потекли слюнки: такое блюдо для себя не готовила уже давно. Ведь в нашем коллективе надо было поддерживать форму, а у меня есть небольшая склонность к полноте. И если бы не мои йогуртно-фруктовые диеты, то вместо сорок восьмого носила бы пятьдесят четвертый...

Когда я сушила и укладывала волосы, в дверь раздался осторожный стук.

– Леночка, ты не уплыла? – Обеспокоенно спросил Борис. – Выходи, очень хочется кушать!

– А как же мой внешний вид? – Невинно поинтересовалась я из-за двери. – Подожди немного, сейчас нанесу тон, покрашу глаза, уложу волосы и выйду...

– Лена! Не буди в мужчине первобытного человека!

Волосы блестели и были аккуратно собраны в прическу. Конечно, глаза все еще отливали красным, но не настолько, чтобы заподозрить во мне родственницу Дракулы. Нацепив дежурную «офисную» улыбку, я вышла в коридор, а из него в кухню и обомлела. На столе дымился свежесваренный кофе. На тарелочках, источая одуряющий аромат, красовался пухлый омлет с гренками и мясом. Тоненький кусочек жареного хлебушка с маслом лежал на салфеточке рядом. Вилочка блестела зубчиками около тарелки.

– Вау! – Страдания по сытной и красиво приготовленной пище были огромными. Еще никто, кроме моей мамы, не готовил мне завтрак и не сервировал стол. Но калории... И стоящие за ними лишние килограммы...

– Присаживайся, Леночка! – Борис отставил стульчик и усадил меня так, словно я не расхаживала перед ним в халате и пижаме, а сверкала бриллиантами и огромным декольте бального платья.

– Как приятно... – задумчиво оглядела я вкусно пахнущее великолепие. – А что мне за это будет, кроме внеплановой прибавки к весу?

Он расхохотался и уселся напротив.

– Кушай, приятного аппетита! – И он подал пример, вонзив в румяный бочок омлета вилку.

Я подумала о том, что бессонная ночь, возможно, сожгла часть жировой прослойки. И если я даже сейчас засну, то, скорее всего, не растолстею. Ум-м, ням! Такого воздушного и нежного омлета я не ела никогда.

Взявшись за чашку с кофе и, ужас, за жареную гренку, я облегченно вздохнула: организм успокоился. Причем до такой степени, что в кровать захотелось прямо сейчас.

– Спасибо за завтрак. – Вежливо поблагодарила я. – Сковородку и тарелки не мой, я сама... – тут я зевнула в кулак, – когда отосплюсь.

– Да ты что? – Борис поднял в изумлении брови. – Спать сейчас, после еды? Да у тебя живот к вечеру будет, как у беременной!

– Так я одна. А ты все равно скоро уйдешь.

Тот метнул на меня странный взгляд.

– Я с незнакомыми женщинами не сплю, а живота от регулярных занятий сексом не бывает. Если предохраняешься.

– Ой, да ладно, я в твой гарем не набиваюсь и вообще, тебе пора.

– Да. – Он поднялся и быстро надел свой безразмерный свитер. – Лен, на самом деле у меня к тебе последняя просьба. Обещай, что выполнишь, и я уйду.

– Обещаю. – Душераздирающе зевнула я. Спать хотелось все сильнее.

– Мне Сашка дал адреса и телефоны всех сотрудниц своей конторы и координаты тех, кого знал и успел разглядеть в полутемном зале.

– И что? – насторожилась я.

– Знаешь, поскольку происшествие всегда расследуется по горячим следам, мне нужно опросить этих людей. Но снова попасть в ситуацию, как вчера с тобой, мне не хочется. Уговаривать, тратить время...

– Хочешь, чтобы я всех обзвонила? – Проницательно поинтересовалась я.

– Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Люди тебя знают, доверяют, и документы требовать не будут. Возможно, я смогу управиться до вечера и уехать в Москву.

– Здорово. – Я посмотрела на него красными глазами. – Я помогаю, спасаю, а потом – пошла вон, дура бестолковая... Так, что ли?

– Лена, ты хочешь испортить себе репутацию?

– Я уже переболялась. Замещать Свету в кровати твоего братика не собираюсь. – Я пожалала плечами. – В крайнем случае, пойду экскурсоводом в один из наших музеев. Или смотрителем. Или уборщицей... И почему твой брат оказался таким бабником?

– Риторический вопрос, как правило, не требует ответа. Лен, просто прошу, помоги, а? Мне Новый год тут тоже встречать не хочется.

– Жена и дети?

Борис рассмеялся.

– Интересно, да? Я не женат, Леночка. Вернее, разведен. Очень давно. Детей нет.

– Интересно. – Кивнула я.

– Раз интересно, собирайся. Мы теряем время.

– А ты будешь отвечать на мои вопросы?

– Буду. – Серьезно пообещал он. – Если они не затронут государственные интересы.

Понимая, что меня загнали в ловушку, и от этого настырного братца теперь не отвертеться, я вышла в коридор.

– Стой там, – сказала ему, – я переоденусь.

В конце концов, мне тоже хотелось узнать, какому уроду я обязана лицезрением трупа этой безумной ночью, и стоит ли шарахаться от теней в глубине наших безлюдных переулков.

Надев джинсы и теплые кроссовки на ноги, а сверху тонкий свитер и любимую синюю куртку, я появилась в коридоре. Борис стоял у двери и о чем-то усиленно думал. Оглядев мой наряд, улыбнулся:

– А макияж?

– А смысл? – В тон ему ответила я. – Все равно увольняться. Пусть заценят мой натуральный облик!

Я схватила ключи от машины.

– Может, я сам?

Под зорким и бдящим глазком моей соседки напротив я заперла дверь и, кивнув Борису, побежала вниз.

Широкой задницей у самого нашего подъезда стоял черный джипистый мерседес с московскими семерками в номере.

– Я отъеду, а ты встань на мое место. – Скомандовала я. – У нас не принято загораживать чужие окна.

Мужчина оглянулся и соразмерил высоту своей машины с высотой окон. Пикнув сигнализацией, он пожал плечами и улыбнулся:

– Знаешь, ночью мне было все равно.

Я кивнула, заметив тень лиц соседей снизу, жадно глазающих сквозь тюлевую занавеску. Теперь, благодаря Панкратовым, на моей идеальной репутации поставлен огромный жирный крест. Такую большую и дорогую иногороднюю машину они мне долго не забудут.

Заведя свою синенькую «сузуки» SX4, я посмотрела в зеркало и отъехала со стоянки. Мерседес тут же идеально вписался в освободившееся место.

– Куда едем? – Поинтересовалась я у запрыгнувшего на пассажирское место Бориса.

Он достал из кармана лист А4, сложенный вчетверо и развернул.

– Давай начнем с твоих сотрудниц.

– В произвольном порядке?

– Да, как тебе удобней.

Я выехала в переулок и, прижавшись к обочине, достала айфон. Набрав номер Ирины Борисовны, я с волнением начала водить пальцем по рулю. Борис перехватил мою холодную руку и крепко ее сжал теплыми пальцами, вселяя в мою душу уверенность в собственной правоте и силах.

– Ира, привет, это Елена Михайловна.

Заспанный и недовольный голос Ирины прокашлялся, и она, уже вполне проснувшись, спросила:

– У нас что, снова неприятности? Еще кого-то убили?

– Нет, дорогая. – Мой голос был спокоен и достаточно напорист. – Но могут. Возможно, на нас охотится заезжий маньяк. Но у сотрудников правоохранительных органов есть версия, что это ты убила Свету.

– Нет! – Взвизгнула на том конце эфира помощница юриста. – Я ее нашла!

– Значит, так. Пока к тебе не пришли с обыском, иду к тебе я. Двери откры!

– Д-да... – простучала зубами Ира. – А ты когда?

– Через пять минут. Встречай.

И я нажала на сброс, а потом длинно выдохнула. Борис улыбнулся и отпустил мою руку. Я включила передачу и тронулась с места. Ира жила в нескольких остановках от моего квартала в частном деревянном доме с садом и грядками, укрытыми снегом. Как-то раз я заезжала к ней за документами, когда она болела. Пышные кусты роз и плети клематисов по фасаду дома, впрочем, как и ровные борочки картошки, ненадолго сподвигли меня к труду на собственном участке. Покопавшись в маминых грядках на выходных и едва разогнувшись к понедельнику, я слегка остыла к дачной красоте, предпочитая кусты смородины и ровный подстриженный газон той пышной разноцветности, за которой так трудно ухаживать.

Немного попетляв по нашим переулочкам, я выехала в частный сектор, расположенный на берегу протекающей через город речки. Маленькие и большие домики под заснеженными крышами, глухие заборы и металлические ворота надежно хранили тайны своих жильцов. И только старые черные деревья, растущие вдоль улицы, тянули к ним в палисадники свои корявые ветки, да любопытные птички, рассевшиеся на проводах, чирикали между собой, обсуждая наглого большого котяру из вот того самого дома. Зеленая калиточка у Ирениного домика была распахнута, а сама девушка, накинув на плечи старую куртку и зябко поеживаясь, топталась рядом, высматривая мою машину.

Остановившись у обочины, я выключила зажигание и вылезла на отполированный колесами снег. Ноги в кроссовках тут же поехали в разные стороны. Ну и почему, спрашивается, дороги у нас посыпают и чистят только в историческом центре и среди многоэтажных построек? Или наш любимый мэр так жаждет загрузить работой местную поликлинику? И еще мне интересно было посмотреть, как тут балансирует, не сваливаясь в канавы, городской автобус на старой летней резине. Не думаю, что автопарку выделяют деньги на новую. Впрочем, какая мне разница? Главное сейчас – собрать ноги и сделать несколько шагов до спасительного сугроба.

Борис, выпрыгнувший из машины с другой стороны и потерявший мою согнувшуюся тушку, бежал машину и, подхватив меня под руки, наконец, поставил в пушистый сугроб. Улыбнувшись мужчине и пикнув сигнализацией, я помахала рукой Ире, растерянно взирающей на моего спутника.

– Ира, – подошли мы к ней, – познакомься, это – Борис Александрович Панкратов, да, он – брат нашего Сам Саныча и расследует то самое досадное происшествие.

– Какие красивые девушки окружают моего брата! – Тут же разулыбался Борис. – Похорошему завидую!

– Ой ли! – затрепетала ресничками и зарумянилась Ира. – Проходите в дом!

Поздоровавшись с любопытствующими домочадцами моей сотрудницы, мы уселись на кухне.

– Я сейчас вам чайку с тортиком! – Засуетилась девушка, то и дело бросавшая томные взгляды на моего спутника.

– О, какой милый у вас дом! Как уютно, какие занавесочки! – Восхищался Борис. – Что Вы, милая девушка, не стоит беспокоиться! Просто посидите с нами немножко...

Но Ирина, подстегнутая похвалой, уже грела чайник и резала выгащенный из холодильника торт.

– О, «Наполеон»! Неужели пекли сами? Ах, какая Вы хозяйственная и домовитая! А борщ варите? Да-а? Настоящий украинский? Обожаю борщ!

Я начала злиться. Он зачем сюда приехал? Свататься или спрашивать? Еще недавно этот господин утверждал, что вечером хочет уехать домой. Неужели, увидя прелести нашей Иришки, он поменял решение?

Отказавшись от куса жирного торта, я негромко поинтересовалась:

– А можно я уже поеду?

– Нельзя, Елена Михайловна. – Негромко, но твердо сказал Борис Александрович. – Вы обещали помочь.

– Ой, Вы спрашиваете! – Всплеснула руками Ирина. – А хотите, я расскажу, как все было?

Борис облизнул ложку и кивнул головой.

– Ну, когда мы немного выпили, мне захотелось потанцевать. – Начала Ирина. – Ведь в зале играла такая музыка! Мы с Олежкой, это тот парнишка, которого привела Ксения Григорьевна, ты же помнишь, да? – Это она спросила у меня. Я кивнула. – Мы пошли танцевать. И тут мимо нас, чуть не сбив, пролетела Светка, а на ее глазах были слезы. Елена Михайловна, ты извини, конечно, но это она из-за тебя плакала.

Я подняла глаза вверх и громко вздохнула.

– Нет, я понимаю, что ты не причем, но Сам Саныч недвусмысленно ухаживал за тобой...

– Света пробежала и...? – Вернул ее к интересующей теме Борис.

– Мы еще немного потанцевали, а Светка все не шла. И я говорю Олежке: пойду, посмотрю... И пошла. В курилке ее не было, в фойе тоже. А в туалете...

Ирку передернуло.

– До сих пор перед глазами кровь... и нож в горле! – Пожаловалась она.

– Ирочка, может, обратили внимание, кто-нибудь выходил из зала?  
– Нет... Ксения вроде танцевала рядом с каким-то мужичком... Не видела.  
– Скажите, а в каких отношениях Света была с вашим коллективом?  
– В нормальных. Она вообще была девушкой тихой. О себе почти ничего не говорила.  
– А о чем же вы разговаривали, когда пили чай?  
– О моде, о нарядах... о мужчинах. – Покраснела Ира.  
– И как она о нас говорила? – Улыбнулся Борис.  
– Хорошо. А о Вашем брате вообще не говорила. А мы не спрашивали. Понимаете, Борис Александрович, город у нас маленький, зарплаты – копеечные! Мы за свое место держимся и в чужие дела носы не суем.

– Жаль, что не суете, Ирочка. Спасибо за содержательный рассказ, но нам надо ехать дальше. Как Вы думаете, с кем из вас Света была наиболее близка?

– С Ксенией Григорьевной. У них даже общая маникюрша была.  
– Спасибо за угощение, Ирочка. Как мне приятно было с Вами познакомиться!  
– А Вы к нам заезжайте! – Сложила ручки Ира. – Я буду рада снова увидеться с Вами! Ах, как же она мило краснеет! У меня от всего этого сиропа началась изжога: в конце концов, спать я сегодня лягу или нет?

Едва мы сели в машину, с его лица сползла улыбка и он скомандовал:

– Звони Ксении. Если кто-то в вашей конторе что-то знает, так это именно она.  
– А у братика любимого спрашивать не пробовал? Все-таки он со Светой спал сколько лет. Может, что и вспомнит?

– Спал – не значит знал. Знаешь, в чем отличие между мужчиной и женщиной в сексуальной связи? – Он развернулся ко мне и широко улыбнулся. – Женщина хочет знать о своем избраннике все, что у него за душой. А мужчине ничего, кроме тела, не надо.

– И что, за столько лет он не удосужился о ней ничего узнать?  
– Ну почему же: паспортные данные, прописка...  
– Кстати, а ее родных в известность поставили? – Встрепенулась я. – Они, наверное, волнуются!

– Она не местная, Леночка.  
– Да-а? Не знала! Но ей же должна звонить мама, родственники?  
– Пока ты утром описывала вечерние события в своем дневнике, я проверил ее телефон. И таких контактов в нем я не нашел.

– Что же это получается, она из детдома? Ты запросил паспортный стол о том, откуда она?  
– Брат должен сегодня узнать и позвонить мне.  
Это правильно. – Я достала айфон и нашла номер Оксаны.

К телефону никто долго не подходил, и мне пришлось звонить еще раз. Наконец, сонный мужской голос хрипло алекнул.

– Доброе утро, уважаемый! – Бодро поздоровалась я. – А Ксения где?  
– Кто? – переспросил мужчина.  
– Ксюха, Оксана... Мальчик, проснись уже! К тебе еще девочка едет! Вызывал?  
– Неа... А ты кто?  
– Конь в пальто. Ты сейчас где? И с кем?  
– Танька? – Вдруг как-то засуетился мужичок. – Я это...  
– Отдай телефон, идиот! – Раздался где-то рядом Оксанин голос. – Это не тебя! Алё!  
– Ксения Григорьевна, это Елена Михайловна. Господин Панкратов просил меня подъехать и задать пару вопросов.

Надо отдать должное Ксении Григорьевне, ее мозги включились сразу.

– Ты когда будешь?

Я немного подумала.

– Десять – пятнадцать минут. И, Ксения Григорьевна, у меня мало времени. Поэтому прошу разрешения не откладывать визит.

– Это по поводу Светы?

– Да. – Сказала я и, отключившись, взглянула на Бориса. Тот смотрел на дорогу и улыбался. Отвернувшись, я включила первую передачу и медленно тронулась. Шипы, конечно, на льду спасают, но береженого Бог бережет.

– Ты обещал отвечать на мои вопросы. – Напомнила я.

– Обещал. – Согласился он. – Ты поехала со мной только из-за этого?

– Знаешь, – я вырулила на центральную улицу. Торопившиеся сделать последние закупки перед праздниками горожане цепочками бегали через пешеходные переходы с озабоченными лицами и большими сумками. – И поэтому тоже. Уж очень интересно, во что твой братец умудрился втянуть всех нас, и чем мне лично это угрожает. Согласись, лучше узнать об этом из первых рук, чем слушать в пересказе какой-нибудь Мани или Тани. Или ментов нашего отделения.

– Возможно, ты права. Так что тебя интересует?

Пропуская группу экскурсантов, перебежавших дорогу от одной церкви к другой, я задумчиво спросила:

– Скажи, я так понимаю, ты – младший брат, и у тебя совершенно другая, своя жизнь. Тогда почему Александр настолько спокойно переложил решение этой проблемы на твои плечи?

– Я – старший. – Ровно сказал мужчина, разглядывая высокую елку, наряженную перед зданием администрации. – И меня так воспитал отец. Если ты – старший в семье, то отвечаешь за покой и благополучие всех ее членов.

– Для старшего ты какой-то... молодой! – Улыбнулась я. – Сколько тебе лет?

– Сорок четыре.

У меня приподнялись брови.

– Хорошо выглядишь. А кем ты работаешь?

– Потомственный военный.

– Судя по твоей тачке, торгуешь оружием в горячих точках? – Поддела его я, и тут же пожалела. Он внезапно развернулся и полыхнул глазами так, что я прикусила язык.

– Думай, что говоришь! – Прошипел он. Костяшки на сжатых кулаках побелели.

Я отвернулась и включила сигнал поворота налево. Там, в переулочке, на месте выселенных в многоэтажки на окраине города жильцов частного сектора, белели хорошенькие новенькие домики в четыре этажа со шлагбаумами на въезде и охранниками во дворе. И в одном из этих светленьких домиков жила Оксана. Подъехав к посту, я тихонько бикнула. Из боковой двери, не торопясь, вышел пузатенький охранник и, почесываясь, вразвалку подошел к машине. Я нажала на кнопку стеклоподъемника.

– Вот он, – Борис кивнул на зевающего в небо мужичка, – воровал во внутренних войсках. А я – все чеченские...

– Извини. – Коротко сказала я. Почему-то стало неприятно не только за свои слова, но и вообще с ним разговаривать.

Знаешь, мой красненький дневничок, войны – это такая гадская мужская придумка... Политики меряются хитростью и получают деньги от концернов, производящих оружие. Олигархи и торговцы, прикрываясь высокими словами и чувством патриотизма, провозглашаемым политиками, потирают руки и считают миллионы. Артисты поют выбивающие слезу песни о Родине и покупают коттеджи на другом континенте. Не умеющие логически мыслить жертвы пропаганды потрясают флагами и орут, что кругом – враги. Им в ближайшем военкомате дают автомат и гонят на убой в горы, равнины, болота, где они, мучимые холодом, голодом и поносом, начинают понимать, в какую задницу попали. И никакие деньги, выплачиваемые за

эти спецоперации, не вернут зоркость глазам, упругость простреленным мышцам и хорошую работу кишечника. А гнать людей на убой ради газопровода или нефтяной скважины, а потом этим гордиться – извините, но, по-моему, это просто беспринципно. Тем более, кроме мужиков с той и другой стороны, в войнах страдают безвинные женщины и их дети, которые иногда толком и не успевают понять, как красив этот мир. Подвалы вместо голубого неба. Грохот орудий вместо весенней грозы... Страх и боль в глазах матери, которая не знает, чем завтра накормить свое дитя, и будет ли над их головой хоть какая-то крыша... Я поморщилась.

Тем временем, толстый охранник вразвалочку дошел до моей машины.

– К кому? – Высокомерно осведомился он.

Я обворожительно улыбнулась.

– В третий корпус, семьдесят пятая квартира. Буцай Ксения Григорьевна. Она нас ждет.

– Документы.

Я показала права, не давая их ему в руки.

– Скажите, а ведь Вы служили во внутренних войсках? Сибирь? Приуралье?

Он разулыбался и посмотрел на меня с интересом.

– Омская область. Проезжайте. У дома есть гостевая парковка.

– Да, спасибо!

Я закрыла окно и въехала во двор. В подъезд мы входили молча, каждый переживая свои чувства.

Оксана встретила нас хмурым, опухшим видом и неласковым взглядом. Я уже привычно представила моего спутника и привычно поразились мгновенно изменившимся выражением лица.

– Кофе? Чай?

– Нет, спасибо. – Борис на этот раз был немногословен. Видимо, тип Ксении был не в его вкусе. – Ксения Григорьевна, Александр Александрович попросил ответить Вас на несколько вопросов.

– Да, я слушаю. – Женщина присела на кухонную табуретку. В мойке, как мне было видно, кисла грязная вечерняя посуда. Из полукрытой двери шкафчика в помойном ведре виднелась пара бутылок из-под виски. Проследив направление моего взгляда, она подошла и захлопнула дверцу.

– Вы хорошо знали покойную Светлану? Дружили?

– Нет, мы не дружили. Скорее, у нас были общие интересы. – Женщина в задумчивости почесала кончик носа.

И чего я раньше к ним всем относилась с таким пиететом? Бабы, как бабы.

– Какие? – Терпеливо выспрашивал «настоящий полковник».

И жена-то, наверное, сбежала оттого, что он вечно носится по всему миру. Ведь нам, женщинам, что надо? Крепкое плечо где-то рядом. Сильный и отзывчивый человек, помогающий дотащить сумки от магазина, легко выносящий летние колеса из гаража и меняющий их на зимние... Играючи справляющийся с зарослями крапивы и сныти за домом и без напоминания переносающий кубометры купленных дров от дороги, где их сбросил грузовик, в сарайчик. А дырки в стене под новый плинтус, в конце концов...

– Света была очень замкнутым человеком, – медленно проговорила Ксения, – и я мало что о ней знала... Любила хорошую одежду и обработанные ногти. Любила Вашего брата. Если Вы думаете, что ее убил какой-то неизвестный любовник в припадке ревности, то это – ерунда. У нее не было других мужчин. После работы она шла домой. И если к ней не приходил Александр, то она смотрела фильмы...

– А об ее семье Вам что-нибудь известно?

– Нет, – Оксана пожала плечами. – Знаю, она приехала к нам из Москвы, где была замужем. Что там произошло, она не говорила. Да и давно это было. И недолго.

Борис задумчиво посмотрел на Ксению.

– Она не говорила Вам, что за черная кошка пробежала между ней и моим братом?

– Знаете, Борис Александрович, последнюю неделю она была оживленной и какой-то радостной, что ли... Может, она нашла новую работу и хотела уйти? И поэтому они поссорились? А брат Вам не говорил?

– Не успел спросить. – Скупно улыбнулся Борис.

– Честно говоря, я очень поразились тому, что наш шеф начал прилюдно оказывать знаки внимания Елене Михайловне.

Она, прищурив глаза, посмотрела на меня.

– Но не я же ему. – Показала ей свои ровные белые зубы.

– Да, прости, Лен. – Неожиданно согласилась она. – Никто на тебя и не подумал. Тебе и Сережка – мужчина.

– Оксан, – на кухню, позевывая, выполз вчерашний ухажер Ксении, – у нас гости?

Я отлепилась от стены, у которой стояла и нацепила шапку.

– Борис Александрович, я жду Вас в машине.

И вышла из квартиры.

Открыв автомобиль, я завела двигатель и откинулась на сиденье. Настроение было паршивым. И все-таки женщина, а особенно, женщина несчастливая в личной жизни, существо злобное изначально. Ксения весьма утонченно подчеркнула мою женскую «несостоятельность» перед посторонним человеком, одновременно намекнув, что вот как раз она – не такая. Может, на место Светки метит? И намек на Сережку... Это так низко! Ей-то кто мешал завести ребенка и посвятить ему жизнь? А мужички эти потрепанные, что они могут дать ей, кроме ночного секса? Скорее, заберут. И эмоции, и деньги. Неустроенный мужик – вампир по своей сути. Он не умеет ни брать на себя ответственность за свою семью, ни дать обеспеченное будущее своим детям. Такой постоянно будет вымещать обиду на весь мир на самых близких своих людях, рассказывая всем и каждому, что именно из-за своей тупой жены не смог реализовать себя, как личность. Хотя, если задуматься, то очевиден вопрос: и как ты, такой умный, допустил, что твоя половина настолько глупа? А Ксения, что ж, Бог с ней. Мне даже стало ее жалко.

Тут мои полусонные размышления прервал Борис, прыгнувший на сидение рядом.

– Куда едем? – Спросила его.

– Куда едем... – Повторил он в раздумье и постучал пальцем себе по губам. – Пожалуй, к Сашке. Интересный разговор получился. И мысли появились интересные.

Я не стала спрашивать про мысли. Вдруг задену еще какую-нибудь тонкую струнку его солдатской души?

Развернувшись и у шлагбаума помахав ладошкой толстому охраннику, я опять выбралась в город. Вновь преодолев центральную улицу с озабоченной предновогодними хлопотами толпой, я переехала мостик через речку и свернула на вычищенную до асфальта кривую улочку, ведущую через старый район к точечной, по индивидуальному проекту, застройке в небольшом парке на берегу естественного озера. Там были шикарные двухуровневые квартиры, принадлежавшие нашей городской элите. Территорию огораживал симпатичный трехметровый забор с видеокамерами по периметру и КПП при въезде. Тормознув у закрытых ворот, я устало прищурила глаза. Борис звонил брату. Чтобы сюда въехать, требовалось персональное сообщение от хозяина, к которому собирался гость. И, как всегда, удостоверения личности.

– Да, это я. – Ровно говорил Борис. – Номер машины? Какой у тебя номер? – Поинтересовался у меня. – Да, не один. С твоей сотрудницей. Еленой Михайловной. Кое-что выяснил.

Он нажал на сброс и замер, глядя на закрытые ворота. Впрочем, они скоро открылись. Я вопросительно посмотрела на секьюрити с автоматом. Тот махнул рукой. И мы поехали.

А симпатичненько тут. Голубые ели, туи, можжевельники, присыпанные снегом. Летом, наверное, на газонах высаживают цветы... А в домах большие панорамные окна. Зимние сады в квартирах. Вот это я понимаю! Не то что вонь от жареной на сале трески по всему подъезду.

Я остановила машину там, где указал Борис. Он открыл дверь и вышел. Я осталась сидеть. Немного подождав меня, он подошел к водительской двери и стукнул в окно.

– Что? – Я опустила стекло.

– Пойдем.

– Зачем? Слушать ваши семейные тайны? И быть прикопанной рядом со Светой на двадцатом участке?

– Лена, – Борис серьезно посмотрел на меня, – я понимаю, что тебе это все неприятно. Но разве ты хочешь потерять хорошую работу?

– А причем тут это?

– Притом, что мужчина, каким бы сильным он ни был, никогда не станет заигрывать с женщиной, которой известны подробности его личной жизни, которые он тщательно скрывает от посторонних.

– Но, если я что-то узнаю, он меня и вовсе видеть не захочет! – Воскликнула я.

– Если сейчас пойдешь со мной, он будет тебе благодарен за тот труд, который ты ради него проделала. Психология человеческих отношений. – Пожал Борис плечами в ответ на мой неверящий взгляд.

Я выбралась из машины и привычно нажала на брелок.

– Здесь не воруют. – Усмехнулся мужчина и, придержав для меня створку, первым вошел в подъезд с широкой и красивой лестницей.

Мы поднялись всего лишь на несколько ступеней, как единственная в стене дверь распахнулась. На пороге, встречая нас, стоял Александр.

Братья молча пожали друг другу руки. Действительно, Борис был немного меньше ростом. И если Александра можно было бы назвать идеальной мечтой всех женщин: высок, красиво сложен, богат, то брат, с его жестким выражением лица и суровыми глазами, при всей симпатичности внешнего облика, скорее настораживал, нежели привлекал. Но я видела, как эти серые глаза умеют улыбаться...

Шеф, задержавшись взглядом сначала на моих ногах, а потом – на ненакрашенном лице, поприветствовал мою персону небольшим кивком. Я расстегнула куртку и, вслед за Борисом, зашла в квартиру. Несмотря на обилие больших и просторных комнат, нас пригласили, естественно, на кухню. Ни чая, ни кофе нам не предложили.

Борис отодвинул у барной стойки высокий табурет и молча кивнул мне на него. Я послушно села. Затем он, словно хозяин, прошел, открывая различные полки. Нашел кофе, смолот и засыпал в кофеварку. И скоро мы вдвоем наслаждались отличным кофе со свежими, еще теплыми, ватрушками. Хозяину Борис не налил.

А потом, оставив меня у бара, они вдвоем отсели за столик у панорамного окна с видом на засыпанные снегом сосны и негромко заговорили. А я разглядывала кухню площадью, наверное, как вся моя квартира. А потолки! Какие они тут высокие! И окно во всю стену. На полу блестящая плитка «кофе с молоком». Словно вышедшие из-под резца скульптора шкафчики цвета слоновой кости и непрозрачное рифленое стекло. Все очень красиво, функционально и гармонично. Да... А я считала, что живу неплохо... Отвернувшись, я схватила очередную ватрушку и попыталась прислушаться к разговору. Но они были далеко и говорили тихо. Я, расслабившись в тепле и сытости, снова начала клевать носом и вздрогнула, когда до моего плеча дотронулась чья-то рука. Открыв глаза, я резко обернулась. Рядом стояла худенькая женщина лет тридцати с небольшим хвостиком в милом домашнем брючном костюме с жар-птицами на темно-синем фоне. Черные прямые волосы были собраны в хвост. Черные брови ровными дугами изгибались над синими глазами и длинными ресницами. Ровный, тонкий носик

и улыбающиеся розовые губки. Это жена Сам Саныча? И от нее он бегал к Свете? Ничего не понимаю в мужиках!

– Здравствуйте! – почти прошептала она. – Вы задремали, а я Вас напугала? Извините! Она отступила на шаг, а я ответно улыбнулась.

– Здравствуйте! Просто бессонная ночь...

– Пойдемте, – пригласила она меня, – не будем отвлекать своим видом занятых мужчин! Вот это деликатность... А я-то пыталась подслушивать!

Соскочив с табуретки, я сделала несколько шагов к столику у окна и позвала:

– Борис Александрович, меня пригласили... я отойду...

Старший оглянулся и, увидя жену Саныча, сразу встал со стула и склонил голову:

– Людмила Васильевна! Мое почтение!

– Здравствуй, Боренька! – Ответила красавица, несколько мгновений, не отрываясь, глядя мужчине в глаза. – Как ты?

– Спасибо, все отлично! Хорошо выглядишь.

Смугловатое лицо молодой женщины порозовело.

– Спасибо!

Тут встал Александр и, приблизившись к нам обоим, буквально вывел нас в коридор:

– Идите, девочки, пообщайтесь. Мы сейчас несколько заняты...

– Да, конечно... Идемте, – снова позвала меня за собой. – Хотите посмотреть зимний сад?

– О, это, наверное, прекрасно! – С энтузиазмом произнесла я. – Конечно, хочу!

А самой мне ужасно хотелось разобраться в том, что я увидела.

Пройдя сквозь огромную гостиную, мы попали в небольшой коридор со стеклянной дверью в конце. А там, когда моя спутница распахнула ее, оказался настоящий тропический рай. Пальмы, апельсины, лимоны, какие-то южные цветы, названия которых я даже и не знаю... И все это великолепие не теснится, а вполне себе вольготно произрастает приблизительно на двадцати квадратах остекленной площади.

– Да у Вас тут настоящая Амазония! – Восхитилась я. – И кто за этим тропическим лесом ухаживает?

– О, – Людмила Васильевна мягко усмехнулась, – это мое увлечение. Знаете, – она подошла к какому-то цветку и аккуратно поправила свесившуюся головку, – я люблю биологию. И хотела поступить в университет на эту специальность. Но мой отец решил, что экономисты в наш век гораздо востребованней.

– Да, – согласилась я, – так Вы закончили экономический ВУЗ? А где? В Москве, Питере?

– А как Вас зовут? Вы приехали с Борей из Москвы?

– Нет, я работаю в юридической конторе Вашего мужа. А Бориса Александровича вожу по его просьбе. Зовут меня Елена Михайловна.

Мне показалось, женщина облегченно вздохнула. И снова улыбка озарила ее красивое узкое лицо. Только теперь не настороженная, а более искренняя и открытая. Значит, Боренька?!

– Нет, Елена Михайловна, я – недоучка. Математику не люблю с детства. – Она пошла вдоль зарослей, трогая рукой то один, то другой лист. – Видите, они меня знают. Любят и радуются, когда я прихожу к ним. А учеба... мне тяжело давались точные предметы, и отец, кому-то заплатив, перевел меня в Кинематографическую Академию. Но, в отличие от остальных студентов, стремящихся приобщиться к кино, меня не интересовали суета и известность. Да, по сравнению со многими, у меня выигрышная фотогеничная внешность. И этого достаточно, чтобы тебя заметили, но ой, как мало, чтобы оставили в покое...

– И? – Я шла за ней, попутно читая маленькие таблички на латыни, прикрепленные к горшкам.

– Вам это действительно интересно? – Синие глаза печально всмотрелись в мои карие.

– Вы такая... необыкновенная... – честно ответила я. – Бывает так, живешь и думаешь: вот моя жизнь сложилась неудачно. А у таких состоятельных людей, как Вы, кажется, и возможностей реализовать себя больше, и все дороги открыты.

– Присаживайтесь. – Она показала мне на широкое кресло у самого стекла. Удивительно: за окнами блестел снежными искрами мороз, а здесь цвели апельсины...

– А Вы?

– Вот. Моя любимая скамеечка.

Она достала из-за кресла небольшой раскладной стульчик и, пригласив меня еще раз присесть, опустилась рядом.

– Это так кажется. – Она поправила выбившуюся из прически прядь. – Я же сама никогда не работала. И во всех своих тратах сначала отчитывалась отцу, а вот теперь – мужу. Отец захотел сделать из меня звезду. Гордиться, хвастаться моими ролями на местных званых вечерах. – Она немного помолчала. – Когда я стала умолять забрать меня домой, объяснив все происходящее, он не поверил. Понимаете, он привык здесь, в этом городке, быть первым. Думал, и в Москве также с ним будут считаться. Но там он был никем. Просто очередным провинциальным нуворишем.

Она тонкими пальчиками расправила на брюках костюма несуществующую складку.

– Ничего, что я вам все это рассказываю? – Ее глаза искали в моих тень недовольствия. А у меня сердце разрывалось от жалости к этой милой, но очень одинокой и печальной женщине.

– Что Вы! Рассказывайте!

– Спасибо... Однажды подружка, мы с ней вместе учились, пригласила меня на вечеринку, обещав, что все будет вполне пристойно... – Пальчики слегка задрожали. – Понимаете, совсем отказываться от этих мероприятий нельзя, поскольку с тобой никто не захочет работать. Театр, кино – это работа группы профессионалов, и если от тебя отказываются, не приглашают на съемки и спектакли – значит, ты не интересен, как артист. А все связи нарабатываются именно на этих совместных застольях. Компания, собравшаяся в кафе, была разношерстной. Тут сверкали улыбками наши девочки, а мальчики рассказывали о том, какие они талантливые. Мы немножко выпили, танцевали. Кто-то подходил из числа чьих-то знакомых... И вот все собрались на квартиру к этой подружке. Родители у нее работали в длительной командировке за границей, а домработница на ночь уходила. Меня уговорили пойти с ними. Мы сидели на длинных диванах в гостиной, а ребята разыгрывали сценки из спектаклей. Кто-то обсуждал последние фильмы, разбирая режиссерскую постановку и профессионализм актеров. Мы ели фрукты и пили вино. Было, в-общем, весело. А потом пришел со своей компанией один богатенький мальчик. Не из наших. Учился, по-моему, в каком-то университете, но весьма увлекался будущими актрисами, периодически закручивая громкие романы то с одной, то с другой. И никто ему не отказывал. А на этом вечере парень внезапно разглядел меня. Он вытащил меня танцевать. Я люблю и умею это делать, когда партнер по-настоящему хорош. Но этот человек был мерзок. Кривая усмешка и жадные, ошупывающие мое тело руки... – Она передернула плечами и продолжила рассказ. – Я попыталась ускользнуть от него в коридор. Но его дружки со смехом выталкивали меня обратно в комнату. Я заплакала. Но никто из студентов не смотрел в нашу сторону. Мы словно выпали из их измерения и времени. А потом меня затолкали в комнату. И там был этот парень. Вы же знаете, что любой, даже самый слабый мужчина, сильнее женщины. И он был сильнее. Я кричала, плакала. Попыталась царапаться и кусаться. Потом пришли два его друга и держали меня за руки.

Синие глаза словно потухли, вглядываясь в страшное прошлое.

– Мне порвали одежду. Хорошо, на улице было прохладно и я в этот день надела пальто. Когда меня выпустили, мое тело было в синяках. Они, к тому же, оказались садистами. Вы спросите, почему я Вам, совершенно незнакомому человеку, все это рассказываю?

– Если Вам станет легче, говорите, пожалуйста! – Я попыталась погладить ее по руке. Она отшатнулась.

– Ненавижу, когда меня трогают. Извините. – И снова эта виноватая улыбка. – Просто я устала жить с этими тайнами. Устала жить в золотой клетке. Устала от одиночества. От равнодушия. И, наверное, мне уже пора...

Она перевела взгляд на снег и синее небо над лесом.

– Мамочка переживает за меня и ждет. – Вздохнув, она продолжила. – Вышла я из этого дома только под утро. Ко мне никто не подошел, не посочувствовал, словно меня там не было. И я пошла. В соседнюю шестнадцатизэтажку. Забравшись на балкон последнего этажа, я замерла на карнизе балкона. Смутно помню, что летали птицы, кажется, вороны. Шумела осенняя листва. Где-то уже ехали первые машины... Я согнула ноги, чтобы оттолкнуться посильнее. Но тут меня ухватили за руку. Помню, как меня втащили, как пытались напоить водой. Поднялся шум. Кто-то вызвал полицию. Пришла в себя я только в больнице. Рядом сидел вызванный отец. Увидев, что я зашевелилась, он начал орать, что дочь – подстилка ему не нужна, что он откажется от меня... Второе воспоминание относится к невзрачному менту, который спрашивал о событиях той ночи. А потом в анализе моей крови нашли какой-то наркотик. А в кармане пальто – дозу. И из потерпевшей я превратилась в наркодилера.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.